

Черный археолог

Марианна Алферова

Хрустальный лабиринт

Алферова М. В.

Хрустальный лабиринт / М. В. Алферова — — (Черный археолог)

Он – ЧЕРНЫЙ АРХЕОЛОГ космической эры. «Индиана Джонс» эпохи, когда грандиозный технологический скачок вынес корабли землян в открытый космос. «Расхититель гробниц», при одном упоминании имени которого обитатели десятков планет скрежещут зубами, жвалами, роговыми пластинами и всем прочим! Он – гроза космических сфинксов. Джентльмен в белом смокинге, с тросточкой в руке, цветком кактуса – в петлице, громадным багажом знаний – в голове и нежной любовью к текиле – в сердце. Он – человек, способный проникнуть – и проникающий – в сокровищницы древних цивилизаций ЛЮБОГО МИРА. Он – профессор Платон Рассольников по прозвищу Атлантида. Авантюрист и герой от космической археологии!..... Райские Утехи. Шикарная планета-курорт, с которой Атлантиде внезапно приходит СТРАННОЕ послание от друга и коллеги – Альфреда Кормапа. Послание, смысла которого отправитель объяснить не успевает, потому что гибнет при загадочных обстоятельствах. Рассольников начинает собственное расследование случившегося, и пока что его единственная зацепка – информация о раскопках, которые Кормам вел на тихой планетке по имени Эгейское Море...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Хрустальный лабиринт

Марианна Алферова

ГЛАВА 1

Документ 1.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Сканирование вновь дало отрицательный результат. Проводить дальнейшее сканирование Океана бессмысленно. Продолжаю наблюдение за объектом. Джси-джиду вне опасности.

Кто видел настоящий хрусталь в веке тридцатом? Когда на межзвездном лайнере «Кир-2», медленно плывущем к точке входа в гиперпространство, вам предложат «Черную собаку» в хрустальном бокале, не верьте, что бокал настоящий. Ведь даже текила может быть поддельной. Ныне все имитируется, любые атомы можно заставить построиться в нужном порядке. Нынешние криэйторы гордятся своей властью и смотрят на прочих свысока: мы создаем, а у вас нет выбора. Хотя на самом деле выбор есть. И если в спешке перескакивать с одной базы на другую, с одной разоренной планеты на следующую, то всегда можно отыскать кусочек подлинности, созданный по прихоти щедрой на выдумки Природы.

А хрусталь... На планете Гласе есть бесконечный Хрустальный лабиринт. Лабиринт, который свел профессора Рассольникова с Альфредом Корманом. Корман был из той породы фанатиков, что помешались на лабиринте. А профессор всегда относился к легендам со здоровой долей скептицизма. Не то чтобы Платон Рассольников не верил в рассказы о Хозяине лабиринта и таинственных и кровавых жертвоприношениях. Эти легенды, судя по всему, не очень старинные, казались не более достоверными, чем сочинения Гомера. Однако любая поэма должна приводить к стенам Илиона, а в любых стенах археолога должен ждать золотой клад. Прежде всего – чёрного археолога, потому как служители науки клянутся, что черепки их интересуют куда больше золотых масок фараонов. Кладоискатели показывали друг другу голограммы алтаря и драгоценных даров. Но как добраться до сокровищ, никто не знал. То, что из Хрустального лабиринта не вынесли еще ни единой вещицы, более всего и заинтриговало Платона. Он привык находить артефакты там, где другие терпели неудачу. Но было одно препятствие, которое стоило учесть: лабиринт редко кого отпускал живым. А те, кому удалось вырваться, болтали несусветные глупости. Из этих бредовых рассказов истомленных голодом и жаждой искателей древностей сложились легенды о Хозяине и жертвоприношениях.

И все же профессор Рассольников решил последовать за Корманом. Причина... О причине пока не будем говорить. Ради чего человек рискует? Не ждите искреннего ответа на этот вопрос. Корыстолюбие порицается, но еще больше порицается бескорыстие, ибо оно считается разновидностью безумия. Но быть безумцем – не самое плохое занятие в нашем мире. Профессор Рассольников тоже немного безумен – недаром он носит прозвище Атлантида.

Альфред Корман – археолог, скульптор и разнорабочий по совместительству, был ровесником Платона, но казался мальчишкой. Худощав, узкоплеч, длинноног, с копной черных вьющихся волос, с прозрачными глазами ангела, который пытается выдать себя за местного сумасшедшего. Альфред среди черных археологов был свой, имел кличку «Гектор» и всюду, где бывал, оставлял зашифрованные надписи о своих успехах и неудачах – по неписаному правилу черных археологов. Впрочем, успехов было куда больше. Зато Альфред создал три теории, одну смелее другой, причем все три противоречили друг другу. Идти в лабиринт Гектор не боялся, ибо верил в Хозяина хрустальной спирали, и заявлял, что жертва для заклания уже готова.

На всякий случай Платон взял с собой бластер «фараон» и к нему три сменных батареи. Корман носил с собой маломощный «арминий», и не на поясе в кобуре, а под мышкой. Но дело не в мощности оружия. Почему? Да потому, что Гектор все равно победит.

– Но Гектор же проиграл! – возразил профессор Рассольников. – Победил Ахиллес.

– Нет, это только иллюзия временного лабиринта. Погрешность слишком маленького отрезка времени. На крошечном промежутке истина непременно искажается, и все уверены, сотни лет уверены, что победил Ахилл. Но чем больше проходит лет, тем очевиднее победа Гектора. С каждым тысячелетием очевиднее.

Профессор Рассольников пожимал плечами, слушая рассуждения Кормана. И немного завидовал, сам не зная чему. Быть может, способности археолога-разнорабочего на ходу создавать теории, которые не требовали доказательств в силу своей безумности.

Лабиринт Гласса был обманом от начала и до конца. В его стеклянной прозрачности заключался первый и главный обман. Кажется, что видишь все вокруг, но то, что ты видишь – ложь. Здесь ни в чем нельзя быть уверенным. Обманчивый и хрупкий мир после первого шага начинает двоиться и ведет смельчака сразу множеством путей. Оружие лучше держать в кобуре – разряд бластера обрушит потолок на головы археологам. Пусть свод укреплен металлическими арками – все равно он пугающе хрупок. Когда был построен лабиринт? Зачем? Никто не знает ответа. Круглая форма арок со временем превратилась в овальную. Если смотреть издали из одной галереи на Другую, то арки начинают казаться единой цепью, сковавшей лабиринт. Металл прочен, но не вечен, и обручи во многих местах сплющило так, что они превратились в лежащие на боку сильно вытянутые буквы «о». Говорили, что часть лабиринта засыпано, но карты пока не составил никто. После трех суток блуждания по лабиринту Платон все чаще называл его хрустальным гробом. Тем более что мумии в лабиринте попадались часто. Правда, они не представляли особого интереса – то были останки застрывших здесь навсегда археологов. Карманы и сумки незадачливых предшественников Платон Атлантида на всякий случай обыскал. У одного трупа в нагрудном кармашке нашлась записка с емким словом: «Дерьмо». Другой вырезал на хрустальной поверхности целую строку ругательств. Третий резал стены бластером, пока галерея не обрушилась ему на голову и не погребла несчастного в прозрачном саркофаге.

Хрустальный гроб... цепи... как в сказке. Не хватало только принцессы. Был «фараон». Впрочем, толку от него никакого. Потому что никто на них не собирался нападать. На вторые сутки перестали попадаться мумии, и Платон понял, что они заблудились. Кто бы мог подумать, что так просто заблудиться в прозрачных галереях. Порой пленники видели вдали солнечный свет, клочок синего неба и плотно-коричневые, а не прозрачные скалы. Но едва они пытались отыскать галерею, ведущую к этой спасительной непрозрачности, как тут же теряли из виду и небо, и скальную оправу желанной синевы, и опять начиналось бесцельное шатание по призрачным переходам. Когда пошли третьи сутки, Корман остановился в одном из тупиков перед хрустальной глыбой и спросил у Платона:

– Может, пора подумать о жертве? – при этом тонкие губы Кормана сложились в ехидную улыбочку. Он поглаживал хрустальную глыбу, как будто она была его союзником в предстоящем деле.

– Жертва будет кровавой? – поинтересовался профессор. За недолгое время их знакомства профессор убедился, что его товарищ никогда не говорит серьезно. Порой это сильно утомляло.

– А как же! – весело воскликнул Корман и подмигнул хрустальной глыбе.

Платон невольно проверил, на месте ли бластер, и облегченно вздохнул, обнаружив, что рукоять «фараона» торчит из кобуры.

– С жертвоприношением подождем! – профессор Рассольников постарался говорить так же весело, как и Корман.

Запас воды и питательных таблеток они взяли с собой только на шестеро суток. Но в лабиринте томила постоянная жажда. И вода кончилась быстро, все попытки экономить были так же бесполезны, как красная полоса на прозрачной стене, которую Платон вел от самого входа, но которая ни за что не желала стать нитью Ариадны и вывести археологов назад. Не помогли и зарубки на хрустальных колоннах: к исходу третьих суток все колонны на их пути были с отметинами. При этом Атлантида уже начал путать, какие сделаны его рукой, а какие оставлены предшественниками. Возможно, предшественников не было, или они не уродовали молекулярными резаками хрустальные столбы. Свои собственные метки археолог начинал воспринимать как чужие. Чтобы перебить жажду, профессор положил под язык сразу две питательные таблетки. Пить захотелось еще сильнее.

«Платон Атлантида умер в лабиринте от жажды» – уже мерещились ему заголовки в новостях. «Платон Атлантида сгинул, как таинственный материк...» «Ха-ха. Платон в лабиринте...» Почему-то все эпитафии в его мозгу превращались в издевки.

И вдруг он увидел текущую по прозрачной стене воду. Вода рябила, и бесконечные аркады казались погруженными в голубое озеро. Атлантида прижался к стене и лизнул поверхность, по которой – как почудилось ему – тек водный поток. Язык обожгло от нестерпимой горечи. Влаги не было: одна стена медленно скользила по поверхности другой, и это движение создавало иллюзию водного потока. Платон схватился за рукоять бластера. Но тут же вспомнил о мумии в хрустальном саркофаге и обломки арок, нависшие над последним приютом потерявшего терпение кладоискателя. Стены лабиринта перемещались. Бесполезны все зарубки и метки. Пленникам отсюда не выйти никогда!

А Корман выглядел беззаботным, только шуточки его становились все ехиднее. Впрочем, жажда его тоже мучила: Платон заметил, как его напарник на исходе третьих суток несколько раз приложился к пустой фляге. Потеряв надежду, они продолжали идти. Что толку! Вновь и вновь они замыкали очередное красное кольцо и выходили к исходной точке. И так, пока не кончился синтезатор краски. В хрустальном лабиринте барахлили приборы и не работала связь. И лишь далеко впереди время от времени возникало синее пятно выхода, дарующего свободу. Маячило до тех пор, пока из синего не превратилось в черное. Прошли еще одни сутки. Тогда они остановились. Возможно, они сделали новый круг, на этот раз бездоказательный и потому как бы мнимый. Платон выругался позакovskyристее, но уже без злости, расстелил спальник на прозрачном полу и лег. Под ним проходили одна под другой пять или шесть галерей. Возможно, их больше, но другие едва угадывались по синеватым полосам в глубине. Колонны нижних ярусов прорастали сквозь верхние и распускались лепестками арок под потолком. Один ряд над другим, насколько можно разглядеть. Профессор на всякий случай сделал несколько голограмм. Если пленники выйдут наконец... Но выйдут ли? Усталость подавляла все чувства, даже желание спастись. Болели пятки и икры. Спина разламывалась вдоль хребта – вещмешок оказался устаревшей системы, без антигравитатора. Усталость затмила даже страх. Попроси Корман «фараон», профессор отдал бы, не задумываясь. Но Фред попросил лишь молекулярный резак. Зачем? Уж не собирается ли Корман прорезать проход сквозь галереи?

Но нет – у того были иные планы.

– Отлично! Можно сделать памятник нам обоим. Глупо лежать в могиле без памятника.

Удивительно, но после этих слов своего странного товарища Платон мгновенно заснул безмятежным сном. Как потом выяснилось, спал он почти сутки. А когда проснулся, увидел над собой хрустальную женщину. У нее была непропорционально маленькая голова, квадратные груди (причем левая заметно больше правой), треугольный живот, худые бедра и толстые икры. Платон смотрел на эту стеклянную красотку и почему-то ощущал во рту солоноватый привкус крови. Потом сообразил, что во время слишком долгого сна прикусил щеку.

– Что это? – поинтересовался он у Кормана.

– Наш памятник.

– Это?..

– Да, обнаженная женщина! По-моему, не самый плохой памятник на могиле двух холостых и не старых мужчин.

– Она... – Платон презрительно скривил губы. – Не особенно привлекательна.

– Чем тебе не нравится моя Елена Прекрасная? – вызывающе спросил Корман. В прозрачных его глазах прыгали безумные огоньки. Платон подумал, что Корман спятил. Но почему-то не стал проверять, на месте ли «фараон».

– Я ради нее и десять минут, не то что десять лет, не стал бы осаждать Илион.

Профессор поднялся, взвалил на плечи мешок и двинулся по ближайшей хрустальной галерее. Сутки назад они уже проходили здесь – кровавая полоса ясно об этом говорила. Платон шел вдоль красной линии, пытаясь отыскать какой-то боковой ход, куда они не заглядывали прежде. Профессор так старательно глядел по сторонам, что не заметил, как впереди возникло синее полукружье неба под аркой непрозрачного свода. Археолог не помнил, когда исчезла кровавая линия, сделанная его рукой. Но она исчезла. Они с Корманом стояли у выхода из лабиринта.

– Хозяину лабиринта понравилась твоя Елена, – усмехнулся Атлантида.

– У него лучше вкус, чем у тебя, – отозвался Корман. – И помни, я спас тебе жизнь.

– Я запомню, что именно ты затащил меня в эту ловушку.

Почему однажды утром Платон вспомнил об этом не слишком приятном приключении? После лабиринта они с Корманом больше года шлялись с планеты на планету, попадали из одного переплета в другой, ничего стоящего не нашли, Корман едва не лишился ноги, Платон – своего счета в банке, дальнейшее сотрудничество было признано нецелесообразным, и друзья расстались. С тех пор прошло почти два года, и Корман никак не давал о себе знать. Значит, ничего интересного не нашел. Если б нашел – прислал бы весточку. Или кто-нибудь другой сообщил непременно. Да и что он мог найти – человек наития, бессистемный дилетант, слишком порывистый, чтобы упорно идти к цели, слишком упрямый, чтобы видеть собственные ошибки?

Две недели отдыха профессор Платон Рассольников выторговал сам у себя после долгих споров. Да, одна половина его существа доказывала, что надо немедленно искать стабилизирующую полусферы, на существование которой смутно намекали манускрипты Адониса. Вторая требовала отбыть на какую-нибудь отдаленную планетку Галактики, собраться с мыслями и систематизировать все, что удалось собрать за последние годы. А собрать удалось немало, хотя ценность некоторых находок была более чем сомнительной. Но надо же и отдохнуть, в конце концов, не безумно и бездумно, как отдыхается в казино Земли-дубль, или на пляжах Геи-Квадриус. А вдумчиво, последовательно, с перспективой. «Я всегда отдыхаю с перспективой», – заявлял его странный друг Альфред Корман, то ли сумасшедший, то ли гений, которому профессор Рассольников был обязан жизнью. Впрочем, как убедился Атлантида вскоре после их знакомства, Корман все делал с перспективой, но почему-то обратной. Да, именно по сложным живописным законам: сначала немножко, потом побольше, еще больше, а потом все меньше, меньше, меньше. «Нелепо, но по законам прямой перспективы возможно только убывание», – это была еще одна из шуток Альфреда. Шутка, если вдуматься, не особенно смешная. Но в шутки Кормана лучше не вдумываться.

Наступало время перепутья... Впереди нечто значительное... Нет, не отдых по системе Кормана, а рождение Новой теории. Это особое чувство. Бывает, голова напоминает не светлую сферу, а чугунный шар, мыслей – ни грана, и все же в глубине души таится уверенность, что вот-вот будет найдено решение. И оно всегда находится. Лежит камнем на дороге, надо лишь об него споткнуться. Это так же непреложно, как то, что на планете, вращающейся вокруг собственной оси, есть ночь и день. Свет и тень. Бодрствование и сон.

«Мне нужна планета, где есть ночь и день. Остальное – излишки», – решил Платон.

Итак, надо работать, а не отдыхать. Отдыхать он будет на каком-нибудь «Райском уголке», и без всякой перспективы, если не считать таковой возможность очутиться вечером в койке сногшибательной красоты.

Да, теория пока не вылупилась, но она плавала в мозгу зародышем. Желток, не получивший белка, еще не создавший собственную скорлупу теоретических выкладок. И чтобы все это создать, надо изолироваться от зудящих вызовов Галактического Интернета, от постоянной трепотни друзей, от визитов знакомых и незнакомых женщин (тут Платон Атлантида с сожалением вздохнул) и стать совершенно одиноким. Но где в Тридцатом веке можно почувствовать себя одиноким, отгороженным от мира, если этот мир пророс сквозь тебя спорами бесчисленных информсетей? Разве что на замерзшем метеорите. Эй, господа, ищу замерзший метеорит, подарите кусок необитаемого льда на две недели. А после этого можете растопить и утилизировать.

В «Сфере отдыха» метеорит для профессора Рассольникова не нашли, зато отыскивали уединенную планету «Крон-3» и преподнесли, как райское яблочко, завернутое в чек в пять тысяч кредитов. Пять тысяч кредитов за две недели. Видно, яблочко в самом деле уникальное.

Что ни говори, а Галактика наша многообразна. В ней можно обнаружить все. Даже вполне приличную планету со сменой дня и ночи, с несумасшедшей силой тяготения – всего 1,42g, и это при том, что этот шарик никого практически не интересует. Есть какая-то база, поселение то ли изгоев, то ли сектантов, и штук семь или восемь полностью заброшенных деревушек. Представьте пригодный для жизни поселок, в котором нет связи. Звучит восхитительно. Сообщение «нет связи» у современного человека вызывает легкую панику, холод в спине и учащенное сердцебиение, но Платон именно об этом и мечтал. Нет связи! Это значит, что все двадцать четыре, простите, двадцать семь часов местных суток твои. И археолог направился на планету «Крон-3» в надежде на две недели перспективной работы.

Уже на планете выяснилось, что атмосфера Третьего Крона не пригодна для дыхания, так что придется либо выходить наружу в скафандре, либо сидеть безвылазно в жилом модуле. Скафандры в комплекте из пяти штук предлагались прямо в космопорте за умеренную плату. Правда, все – устаревшего образца. Причем настолько устаревшего, что Платон целых полчаса изучал инструкцию. Возможно, именно в таком скафандре Армстронг делал первые шаги по Луне.

Прогулки в скафандре? Интересно, как они способствуют творческому процессу? Профессор Рассольников любил размышлять во время прогулок. Надо лишь найти нужный темп, и тогда покажется, что ты идешь в ногу со временем – оно по своему вектору, ты – по своему; так создается иллюзия временной невесомости. Все мысли, еще не явившиеся в этот мир, начинают хаотическое парение, и ты можешь поймать любую, самую дерзкую, и объявить своей собственностью. И с этого мига время начнет суетиться и делать тебе гадости. Но это уже не имеет значения – потому что ты знаешь, как уязвить его и остановить, и даже – опередить. Пусть злобствует, пусть пытается отыграться: миг торжества уже не отнять.

Но прогулка в скафандре лишает тебя свободы, необходимой для сражения со временем. Создавать новые теории, гуляя в скафандре, все равно, что думать, стоя в очереди на посадку в космопорте или у дантиста. Почему-то в этих двух местах очереди не изживаются. Будто там существуют особые споры, и очереди множатся вновь и вновь. Когда профессор Рассольников чего-то ожидал, все мысли из его головы испарялись, оставалось лишь чувство бешенства. В такие минуты время брало над ним верх. Платон чувствовал себя распятым на всех трех координатах пространства, и бесцельно потраченное время загоняло в его мозг серебряный гвоздь. А сознание, что кто-то способен естественно существовать в графленных клеточках, возводило его мучения в кубическую степень.

Итак, сразу по прибытии стало ясно, что искать новую теорию придется не во время прогулок по незнакомой планете, а меряя шагами отнюдь не обширные квадратные метры жилого блока. Однако все пять скафандров Платон взял с собой и направился в «дачный поселок» – так мысленно окрестил он место своего будущего затворничества.

Дачный поселок... Мерещился домик, окруженный деревьями на берегу неспешно текущей сиреновой речушки. Что-то старинное... запахи... дорожки, посыпанные золотым песком... Цветы в горшках на подоконнике. Не муляжи, а настоящие, настойчиво требующие поливки сигнальными писклявыми чипами.

Опустив глайдер на ровной площадке перед жилыми блоками, профессор Рассольников выпрыгнул из машины и огляделся. Все скалы вокруг покрывал толстый слой ржавой пыли. Она припорошила крыши, создала причудливый рельефный узор на стенах, и даже на брошенном вездеходе выросли ветвистые кораллы цвета запекшейся крови. Археолог неспешно направился к двери жилого блока. Внутри что-то громко щелкнуло, включился свет, и вокруг Платона стало медленно расти красное облако. Тогда археолог понял, что это не пыль, а живые организмы. Он не был особенно большим поклонником живого. Мертвое куда интереснее и прибыльнее. И безопаснее. Мертвому не надо бороться за жизнь.

Двери раздвинулись, и поток воздуха обрушился на Платона. Вокруг закружился красно-ржавый вихрь.

– Ухватитесь за ручки, – посоветовал домовый комп скучным голосом и закашлялся, как живой человек.

Теперь профессор заметил две ручки по бокам двери, изрядно затертые и изъеденные ржавчиной (или крошечными насекомыми?). Сопrotивляться напору воздушного потока стало проще.

– Можно войти, – сообщил комп, решив, что обдувание прошло нормально. И вновь кашлянул, на этот раз будто прочищая горло.

Платон вступил в шлюз. Сверху на него обрушился густой комок сине-зеленой слизи. Она облепила археолога с головы до ног. Не комок, а настоящий комище.

– Биологическая обработка, – сообщил комп. – Френд очистит ваш комбинезон от кровавиков за семь минут три секунды.

Семь минут! Платон представил, как после каждой прогулки эта сине-зеленая масса с добрым именем френд будет ползать по комбинезону, пожирая остатки красной ржавчины. За эти семь минут и три секунды археолог непременно забудет все мудрые мысли, которые изволили поселиться в его мозгу на прогулке. Нет, от прогулок придется отказаться.

– Дать отсчет времени? – поинтересовался комп.

– Не надо, – отгрызнулся профессор Рассольников.

Да, видать, справедливо эта планета не пользуется популярностью. Семь минут показались семью часами.

Наконец френд медленно спустился на пол и, сыто урча, пополз к черному отверстию в углу. Черную эту нору Платон окрестил «Собачьей будкой». В давние времена люди держали собак для охраны. Часто на цепи и в маленьких домиках-будках. Бедные псы... Бедные люди. Лязгнули двери второго шлюза, и профессор, наконец, вступил вовнутрь жилого блока. Автоматически вспыхнули лампы под потолком. Серые ровные стены. Серый потолок. И с него причудливыми фестонами свешивалась вуаль мохнатой паутины.

– Убрать паутину, – потребовал гость, снимая шлем. Тут же скафандр сбежал к ногам археолога змеиной шкуркой.

– Невозможно. То, что вы называете паутиной – это биопротивник кровавиков. Дополнительная защита. Неразумная. Полезность – сорок два процента.

Платон ругнулся и прошел в спальню. Постель автоматически вывалилась из стены – вся затканная седой паутиной.

– Паутину не уничтожать. Влезать внутрь спальника с предосторожностями, раздвинув отверстие, – наставлял домовый комп.

– Он же к утру меня спеленает окончательно, и я задохнусь! – запротестовал Атлантида.

– Лицо перед сном намажьте специальной мазью.

Седая паутина на стене заколыхалась и поползла в угол. Среди ажурных лохмотьев образовались уплотнения.

– Кровавики просочились? – спросил археолог, находя ситуацию забавной. Жаль, что нет рядом Кормана: шуткам не было бы конца. Черт... В последние дни он все время вспоминает Кормана. Надо было перед отлетом узнать, как дела у этого парня.

– Кровавики постоянно просачиваются. Рекомендуются поселить на домашний костюм и на скафандр лоскутки дружественной паутины.

Сомнений не было: место перспективного труда выбрано неудачно. Зародыш теории, плавающий в мозгу профессора Рассольникова, спешно закукливался, чтобы погрузиться в тайники памяти до лучших времен.

Черт с ней, с теорией! Надо срочно распаковать багаж, пока дружественная паутина не погребла его в одной из комнат. С дороги хотелось есть. А еще больше – выпить: в багажном контейнере хранился ящик текилы и пакет с лимонами.

«Надеюсь, кровавики не любят текилу», – подбодрил сам себя профессор Рассольников.

Багаж нашелся на удивление быстро – в ближайшей комнатке, уже затканной серыми нитями. Отбив у паутины добычу, археолог прошел в гостиную и уселся на стул, аккуратно отогнув лохмотья паутины.

– К вам посетитель, – сообщил домовый комп.

Платон вздрогнул от неожиданности. Он забрался на эту мерзкую планету, чтобы гарантировать себе полное, стопроцентное одиночество, куда профессор Биттнер не сможет слать свои назойливые указания, где будет молчать Интернет... Ради одиночества археолог готов был улечься на кровать с паутиной и прогуливаться в скафандре в обществе кровавиков. И вдруг через полчаса после прибытия – посетитель!

– Кого еще черт принес? – прошипел Атлантида.

– Курьер. Галактический курьер.

– Что – ко мне галактический курьер? – переспросил он, не веря ушам.

– Именно к вам, профессор Рассольников. Впустить?

– Валяй.

Платон подумал почему-то о профессоре Биттнере. Пожалуй, ему по карману воспользоваться галактической курьерской службой. А больше некому. То есть, разумеется, есть масса людей, которые могут прислать курьера. Но им до профессора Рассольникова нет никакого дела. И какое дело у Биттнера? Какой-нибудь сверхвыгодный заказ? С годами Атлантида убедился, что все заказы Биттнера обычно заканчиваются большими убытками. Но Платон решил не отказываться. То есть не отказываться сразу. Остаться на планете с кровавиками и охранительной паутиной ему уже расхотелось. Придумать новую теорию можно и в населенном месте – это решение далось неожиданно легко. Подойдет что-нибудь банальное: виноцветное море, белые барашки, острова с пальмами. Красотки с идеальными фигурами и ослепительными улыбками. И тяготение, чтобы чуточку меньше земного, и...

Шлюзовые двери распахнулись, и в жилой блок бодрым шагом отставного сержанта вошел покрытый защитным чехлом андроид.

«Посланец не от Биттнера, – решил Платон. – Профессор Биттнер потребовал бы курьера-человека».

Посланец протянул Рассольникову коробку, поверхность которой вспухла пузырями после общения с сине-зеленым френдом. Платон глянул на электронный жетон. «Отправитель

Альфред Корман». Надо же! Еще сегодня утром профессор вспоминал о своем друге-дилетанте. Одно странно: его приятель всегда без единого кредита и вдруг... курьер.

Платон вытащил из кармашка молекулярный резак и вскрыл коробку. Внутри лежало нечто. Бесформенный обломок. Серо-зелено-желтый. Явно подвергшийся воздействию очень высоких температур материал. Форма – внезапно застывшая булькающая густая жидкость, но с одной стороны скол или срез и поверхность идеально ровная. Осколок чего-то большего. Как все мы. А рядом с этой в прошлом бурлящей, а ныне холодной и немой субстанцией, прямоугольник странного белого пластика с надписью. Платон взял прямоугольник, повертел в пальцах. Да это же никакой не пластик, а бумага. Самая настоящая плотная бумага. Археологу ли это не знать! Платон зачем-то даже понюхал бумажный прямоугольник. Пахло духами. Очень тонкий аромат. На бумажной карточке было написано: «Елена Прекрасная». И все.

Елена Прекрасная... Атлантида вспомнил хрустальную статую, пожертвованную Корманом Хозяину лабиринта. А что если этот осколок – часть прежнего творения его друга? Кто знает, может, хрустальная Елена привела кого-нибудь в такой восторг, что неведомый поклонник не пожалел на красотку разряда десинтера? Но к чему профессору Рассольникову остатки этой несчастной Елены? Что означала эта посылка? Зачем ее вообще прислали, да еще с курьером? Возможно, Корман пытался связаться по Интернету, не смог, нанял курьера... Значит, торопился. Очень торопился.

– Больше сообщений нет? – спросил Платон.

Даже если глядеть на андроида сквозь мутноватую пленку защитного чехла, его нельзя принять за человека. Более того, на некоторых планетах на лоб андроидам ставят синие номера. Чтобы их сразу можно было отличить от людей. А кое-кто из людей вслед малюет себе на лбу синие цифры, пытаясь укрыться под личиной андроида. Не на всех планетах выгодно быть человеком. На некоторых даже опасно. После того, как профессора Рассольникова едва не сожгли живьем на... Нет, об этом лучше не вспоминать.

Ну что ж, придется вернуться в космопорт, чтобы связаться по Интернету с Корманом. И как Альфред только узнал, где искать старого друга? Два года не виделись и... Не то, чтобы Платон очень хотел выяснить, что означает посылка. Скорее всего – это очередная дурацкая шутка Кормана. И от прочих его шуточек отличается лишь одним – ценой. Очень дорогая шутка. Корман любил загадывать загадки и наблюдать, как товарищ мучается, но не может разгадать головоломку. Сколько раз уже Платон клялся, что не будет поддаваться на нелепые провокации Кормана, и всякий раз попадался в одну и ту же ловушку: самолюбие не позволяло просто пожать плечами и отвернуться. Ну что ж, Корман позабавился еще раз... Но профессору Рассольникову хотелось покинуть место отдыха, и с каждой секундой все сильнее. Послание Кормана было лишь причиной, толчком...

Итак, пять тысяч кредитов выброшено в безвоздушное пространство. Эх, если бы археологи могли находить выброшенные на ветер деньги.

Космопорт Крона-3 был погружен в спячку с вечера до утра и с утра до вечера. В маленьком непрезентабельном зальчике две служительницы, воспринимая свою работу как несправедливую и долгую ссылку, ожесточенно болтали. Диспетчер в полудреме, смежив один глаз и прищурив второй, обозревал вверенное ему пространство. Кровавиков не было видно, полотнищ паутины тоже. Зато под стульями и возле ячеек камер хранения застыли небольшие комья сине-зеленых френ-дов. В первый раз после посадки Платон их не заметил, занятый изучением инструкции к древним скафандрам.

– Мне нужна тахионная связь, – обратился Платон к диспетчеру.

Обе девицы перестали болтать и посмотрели на Платона. Обоим было сильно за шестьдесят – даже по нынешним меркам возраст далеко не юный.

Диспетчер махнул рукой в угол.

Платон запросил связь с Корманом. Девицы продолжали его разглядывать. Чего они так на него уставились? Вроде бы одет он обычно: трикотажный комбинезон, удобный для надевания под скафандр, в руках черный кейс. Обычный путешественник. Ну, молод, ну, хорош собой...

Одна из девиц хихикнула.

И тут дали связь. Но вместо худого лица Кормана с высоким лбом, острыми скулами и тонкой прорезью ехидного рта, на экране возникла курносая физиономия со светлыми остриженными ежиком волосами и тяжелой челюстью, занимавшей как минимум пол-лица. Поскольку на лбу у означенной личности не значилось синего номера, то Платон отважился предположить, что перед ним человек.

– Мне нужен Корман, – проговорил Платон, раздражаясь: он уже предчувствовал, что разговор с этим типом будет не особенно легким.

– Сожалею, но с этим джентльменом вы говорить не можете, – сообщил обладатель лошадиной челюсти. – Сержант Вил Дерпфельд к вашим услугам.

Тут только профессор Рассольников заметил ворот синей форменной рубашки. Полицейский?!

– Мне нужен Альфред Корман! – заявил Атлантида, ощущая неприятную пустоту в желудке.

– Три дня назад господин Корман погиб.

– Погиб... Как? – Что за дурацкая шутка! Оказывается, не один Фред обожает розыгрыши. Ведь он только что отправил посылку. – Попал в катастрофу?

– Его убили.

Та-ак. Профессор Рассольников поморщился: его всегда охватывало чувство нелепости при известии о чьей-то смерти.

– Кто его убил? – спросил археолог.

– Это я и выясняю. Можете прилететь сюда?

– Куда – сюда? – Известие об убийстве приятеля так его обескуражило, что Платон не мог ориентироваться в происходящем. Ощущение чудовищной ошибки все нарастало.

– На планету Райский уголок.

Райский уголок? Планета с тропическим климатом, один из самых дорогих курортов в Галактике. Без миллиона кредитов туда нечего и соваться. Когда-то Платон мечтал там отдохнуть. И вот...

– У нас есть нуль-портал, – сообщил Вил. – Где вы сейчас находитесь?

– На Кроне-3.

Вил затряс головой, давая понять, что это название ему ничего не говорит.

– Я прибуду, – пообещал Платон. – Доберусь до Вояджера. И оттуда – сразу к вам.

– А что у вас с волосами, можно полюбопытствовать? – спросил Вил Дерпфельд. – Новая мода?

Платон поднес руку к голове. И ощутил под ладонью вместо прямых прядей что-то предательски мягкое, пушистое. Будто на голове у него примостился котенок.

– Да, новая мода! – профессор спешно отключил связь и бросился к зеркалу. На весь космопорт было одно-единственное зеркало, да и то в самом неприметном месте. Так и есть, прическа у профессора оказалась замечательная: огромная шапка пушистой дружественной паутины. Одна из шестидесятилетних девиц, заметив застывшего перед зеркалом пассажира, неспешно направилась к нему.

– За десять кредитов в нашей парикмахерской вас приведут в порядок, – проговорила она очень сочувственно.

– Десять кредитов?

– Вы предпочтете сохранить эту прическу? – Она окинула критическим взглядом прическу профессора. – Через десять часов паутина вступит в симбиоз с вашим организмом и тогда...

– Хорошо... – выдохнул Атлантида.

Десять кредитов, это, конечно, грабеж. Нетрудно предположить некий симбиоз между работниками парикмахерской и дружественной паутиной. Особенно, когда Платон увидел, что вторая девица залезает в парикмахерский комбинезон. За три секунды мощный насос слизнул с его волос серые хлопья, потом профессора с ног до головы облили вонючим дезсоставом. Все тело стало немилосердно чесаться, а волосы теперь напоминали проволоку. Девица не слишком уверенно предложила вымыть клиенту голову, и даже что-то стала искать в шкафчике, выбрасывая на пол пустые флаконы.

Платон поспешил от мытья головы отказаться.

– Вы говорили с копом? – поинтересовалась парикмахерша, странно ухмыляясь и оглядывая Атлантиду. – Они во время любого разговора непременно пользуются детектором лжи.

– Я знаю, – буркнул Платон. Знать-то он знал, но почему-то во время беседы с Дерпфельдом об этом факте не вспомнил.

– Если хотите избежать неприятностей, то купите таблетки «антиправды». Одна штука под язык – и сорок восемь часов ни один детектор вас не возьмет за яйца.

– Я только свидетель, – сказал профессор не очень уверенно.

– Ха-ха... – последовал ответ.

Платон оценил всю многозначительность интонации этого краткого, но емкого восклицания, и купил в киоске блок таблеток «антиправды». Наверняка переплатил вдвое. Немного подумал и положил таблетку под язык.

Челнок на Вояджер прибудет через три часа. Три часа, вычеркнутые из жизни. Ожидание... Платон достал из кейса электронный жетон, снятый с посылки. Коробка с осколком была отправлена Фредом Корманом четыре дня назад. То есть за день до смерти. И в самом деле, с планеты Райский уголок. Почему-то Платон не обратил на этот факт внимания. Дорогушая планета. Говорят, проживание на ней дороже, чем на Старой Земле. На то и Рай.

ГЛАВА 2

РАЙСКИЙ УГОЛОК

Документ 2.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Новые данные отсутствуют. Объект ничего не предпринимает. Просмотр старых материалов не дает результатов. Почему не обеспечили охрану Корману? Почему так медлили? Теперь след потерян. Придется все начинать сначала. Прошу сообщить результаты расследования, как только они появятся.

Да, нуль-портал на планете Райский уголок был. Но это не облегчало жизнь путешественникам. Когда Платон шагнул из нуль-портала на зеркальный пол просторного зала, три охранника в сине-белой форме направили на него три «магнума» и хором взревели:

– Стоять!

Платон замер с поднятыми руками. Чип на багажном контейнере пропищал:

– Взрывчатки нет. Разрешение на ношение оружия имеется. Оружие опечатано и находится в багаже.

– У вас есть пропуск на планету? – спросил один из полицейских, но бластер не опустил.

– Нет никакого пропуска. Лицензия Межгалактического Археологического Общества есть, а вот пропуск...

– При чем здесь МГАО? На нашей планете нечего раскапывать. Вы будете отправлены назад за собственный счет, – сообщил полицейский, суровая с каждым словом. Его коллеги строили совершенно зверские рожи.

– Меня сюда вызвали! – повысил голос профессор Рассольников, и не менее гневно нахмурил брови в ответ. – Сержант Вил Дерпфельд хотел поговорить со мной как со свидетелем.

– А, Вил... – На физиономии старшего отразилось глубокое разочарование. И он, наконец, опустил свой «магнум». Его коллеги сделали то же самое. – Поль, свяжись-ка с сержантом Дерпфельдом и сообщи, что его свидетель явился. И пусть оформит пропуск по всем правилам хоть раз! А пока извольте пройти в силовую кабину и ждать там прибытия сержанта Дерпфельда.

Платона довольно бесцеремонно затолкали в прозрачный параллелепипед вместе с багажом. Вот дерьмо! Похоже на собачью будку... Не слишком ли часто эти будки стали попадаться на пути?

«Я – человек несуетный», – поспешил напомнить себе профессор Рассольников.

Но еще он был человеком с чувством собственного достоинства. Облаченный в белый костюм с бледно-лиловым цветком «mamillaria blossfeldiana» в петлице, в белой шляпе, с тросточкой в руке, он уже представлял себя на набережной Райского уголка под испепеляющими взорами местных красавиц. А вместо этого пленение в тесной «собачьей будке». И парочка пожилых туристов пялится на него во все глаза, как будто он достопримечательность этой райской планеты. Иконы перешучиваются, поглядывают в сторону «будки» и заключают пари. Держать себя непринужденно, насколько это возможно в его положении, – вот все, что можно пока сделать. Но попробуйте изобразить чувство собственного достоинства в силовой кабине!

Вил Дерпфельд не торопился прибыть в зал ожидания. Платон промаялся целый час, глядя сквозь прочнейший стеклопласт на роскошные стеклянные пирамиды Райского уголка в обрамлении буйной, какой-то почти ненастоящей зелени. Деревья росли ярусами – пышные кроны сменялись переплетением лиан, чтобы внизу разостлаться цветущим кустарником.

В яркой листве мелькали сочные оранжевые плоды, почему-то похожие не на фрукты, а на елочные игрушки. По мощным разноцветным камнем аллеям прогуливались полуобнаженные парочки. И меж ними – полицейские в форме. Обилие полицейских... По штуке на каждого туриста. Платон всегда считал, что охрана должна быть незаметной. Если охрану выставляют напоказ, то либо не все ладно с самой системой охраны, либо у хозяина не все в порядке с психикой, и ему пора посетить психотерапевта. Или это какой-то особый шик – кичиться охраной?

Наконец Вил Дерпфельд явился. Этот начинающий полнеть белокурый гигант вовсе не торопился познакомиться со своим свидетелем. Однако пропуск принес. И профессор Рассольников был освобожден из временного плена. Пропуск был необычного вида – внешне полная иллюзия желтого лимона средних размеров с остреньким носиком. Его полагалось носить на шее, подвешенным на цепочке. Причем все время и так, чтобы было видно.

– На вашей планете все носят на шее такие «лимоны»? – не поверил Платон и глянул на пожилую пару в зале ожидания. Никаких «лимонов» на них не было.

– Это временный пропуск. Если вы – член клуба, то «песня» вам ни к чему. Мы называем эту штуку песней. В случае нарушения правил она начинает мурлыкать какую-нибудь песенку-дешевку. И вас тут же хватают под белые ручки и ведут. – О работе «лимона» сержант рассказывал с видимым удовольствием.

– Что-то вроде желтой звезды, – уяснил Платон.

– А что такое желтая звезда? – не понял полицейский.

– Это не относится к делу.

– Объясните, что такое желтая звезда, – Вил посуровел. – Я требую.

Профессор объяснил. Причем не очень кратко. Говорил минут пятнадцать. Вил Дерпфельд слушал внимательно. Потом удовлетворенно кивнул:

– Теперь я это знаю. – Будто галочку поставил против «желтой звезды». – Едем в «Эдем». Это наш самый лучший отель. Знаете, что такое Эдем?

– Разумеется.

– Я тоже теперь это знаю. Выяснил в Интернете, – поведал сержант с гордостью. – Дорогая штучка.

– Дорогая?

– Ну да, плата высока: всю жизнь не ругайся, баб не трогай, по морде никому не смей врезать, всяким неудачникам и лентяям помогай. И в награду номер с песнями и прочей дребеденью. Я предпочитаю номер с девочками.

«Тупица», – подумал Платон.

Полицейский глайдер ждал их на спецплощадке. У входа дежурил полицейский. На Платона коп посмотрел неприязненно, как на любой другой планете смотрят на арестованных. Нет, на арестованных, пожалуй, смотрят более дружелюбно. Обычно так на других планетах смотрят на осужденных. Причем на большие сроки и за что-нибудь мерзкое. Например, за кражу денег со счета пенсионного фонда служителей закона. Нетрудно догадаться, что причина тому – желтый лимон, висящий гирей на шее археолога.

– Я буду жить в «Эдеме»? – спросил Платон, усаживаясь на сиденье глайнера рядом с Дерпфельдом.

– Как же, разогнался! Полицейское управление оплачивает твое пребывание на планете, – сержант почему-то перешел «на ты». – «Эдем» нам не по карману. Так что мне ведено приютить тебя в моей норе. А в «Эдем» мы летим потому, что именно там был убит Корман.

Выходит, погибшему по карману было проживание в «Эдеме». А ведь еще два года назад Фред не мог выложить на шахтерской планетке Адонис за комнатуху несколько кредитов. Но этими сведениями Платон не стал делиться с полицейским.

– Давно знаешь Кормана? – Тот уже начал допрос.

– Около трех лет. Он спас мне жизнь. – Теперь, когда Корман мертв, можно в этом и признаться без ущерба для самолюбия.

– У него были враги?

– Куча. Но обычно этим людям нечем было заплатить за выпивку в дешевой забегаловке, так что приобрести пропуск в здешний рай...

– Пропуска на нашу планету не продаются, – прервал профессора Вил Дерпфельд. – Сюда можно попасть только по приглашению, вступив в клуб друзей Рая. Теперь ты это знаешь.

– Тем более, глупо спрашивать о врагах, – пожал плечами Атлантида. И пожалел, что не остался на Кроне-3. Симбиоз с паутиной уже не казался таким ужасным. Паутина хотя бы не выказывает каждую секунду свое превосходство.

– Они могли попасть сюда по приглашению, – настаивал полицейский. – Я... – он сделал заметное ударение на этом «я», – допускаю, что такое приглашение можно подделать.

Выходило, что начальство Дерпфельда таких допущений не делало.

– Хочешь сказать, что Корман был членом клуба? – удар по самолюбию был весьма ошутим. А профессор Рассольников никогда не скрывал ни от себя, ни от других, что он человек честолюбивый.

– Разумеется, и он, и его жена.

– Фред женился? – Платон был удивлен. В который раз.

– Ну да. Забронировал номер в «Эдеме» на весь период медового месяца. Бедняга потратил женушку две недели, и его кокнули.

Может, Альфред женился на какой-нибудь очень богатой пожилой дамочке, которой лет двести. Биокоррекция ныне творит чудеса. Столетние красотки выглядят как сорокалетние. А ради того, чтобы числиться в первой сотне галактических миллиардеров, можно забыть про год рождения своей жены. Впрочем, строить теории – это по части полиции, хотя вряд ли этот тип мог придумать какую-то версию, если судить по высоте его лба. Платон с сомнением окинул взглядом голову полицейского. Лоб, впрочем, был не таким уж и низким. Если не сравнивать его размеры с размерами челюсти.

Глайдер опустился прямо на огромный пруд. Внизу скользили рыбки, колебались седые водоросли. Сама поверхность была, как стекло, – антигравитационная пленка накрывала пруд невидимой крышкой.

– И где номер Кормана? – спросил археолог, оглядывая белоснежную колоннаду, окружавшую пруд.

– Все ЭТО его номер. – Вил сделал широкий жест. – Там бассейн. Вон там прогулочный парк. В конце галереи столовая...

– Мы будем обедать?

– Нет. – Казалось, Дерпфельд не понимал шуток. Интересно, как он общался с Корманом? Вероятно, они не были знакомы. К взаимному удовольствию. – Конгресс «АнтиФоменко» хотел снять этот номер для своей конференции, но устроителям он оказался не по карману. Им пришлось довольствоваться более скромными помещениями. А вот «фоменковцы» проживали здесь целых две недели. Как раз незадолго до прибытия вашего друга.

– Они тоже члены планетарного клуба?

– Устроитель конференции. Остальные получают песни.

– Песни? Ах, да! Временные пропуска.

– Кстати, мне понравилась их последняя теория: никакой цивилизации на Старой Земле никогда не было. Ее выдумали отшельники с Тау Кита. По-моему, в этом что-то есть.

– А цивилизацию Тау Кита выдумали на Старой Земле. Круг замкнулся, получился парадокс первичности, и теперь никто не знает, какая цивилизация ложная, а какая истинная. Может быть, вернемся к делу Фреда?

– Я знаю, что за день до смерти Корман отправил тебе посылку. Что в ней было?

– Обломок неизвестно чего. И никаких разъяснений. – Профессор Рассольников решил не сообщать о странной записке, а то придется рассказывать этому типу, кто такая Елена Прекрасная, Парис, Менелай и другие. Еще заставит читать «Илиаду» наизусть.

– Это «неизвестно что» при вас?

– В моем багаже.

– Нужен анализ. Не волнуйся, сперму и кровь не требую – только твой багаж.

– Сделать анализ можно. Если обещаешь сообщить мне результаты.

Дерпфельд стал думать. Причем думал довольно долго.

– Хорошо, если в данных не будет ничего секретного, так и быть, я наплюю на инструкции и намекну...

– В каком смысле – секретного?

– В секретном. А теперь глянь по сторонам и скажи, нет ли здесь чего-нибудь странного. Какой-нибудь заковыристой вещицы.

Они медленно шли по аллее, уставленной статуями из золотистого мрамора. Да, статуи золотистые, как лучи солнца на Старой Земле, а базы статуй из полированного черно-красного гранита. Поначалу Платон решил, что это голограммы. Но, коснувшись одной из мраморных красоток, убедился, что камень настоящий.

Аллея вела к одноэтажной вилле. Стеклопакетные двери раскрылись, и галерея вывела в просторный холл с мелким бассейном посередине. Пол был оригинален – прозрачное покрытие, а под ним – будто вмержшие в лед человеческие тела – юноши и девушки, причем, совершенно обнаженные. Разумеется, голограммы. Но производило впечатление. Все двери холла находились в режиме невидимости. Платон открыл ближайшую. Оказалось – столовая. Круглая беседка с круглым столом посередине, и вокруг стола двенадцать стульев с золочеными подлокотниками. Вьюнки, усыпанные голубыми и белыми цветками, обвивали ажурные колонки.

– Можно узнать, что здесь, собственно, принадлежит Корману и что – гостинице?

– Он купил мебель для этого номера.

Платон опустился на стул. Просто потому, что почувствовал настоятельную потребность в поддержке. Дорогущий стул оказался не особенно удобным. Платон предпочитал сенсорные кресла, что приспособляются к своим седокам. Эти статуи и золоченая мебель так потрясли воображение профессора, что признание прозвучало как бы само собою:

– Я знаю, что два года назад господин Корман имел на счету двенадцать кредитов. Ровно столько, чтобы можно было не закрывать счет. А теперь... вот... эта мебель. Сколько же денег у него сейчас на счету? Разумеется, это тайна...

– Не тайна. Все те же двенадцать кредитов. Но продавцы мебели, как и прочего барахла – драгоценностей, одежды, антигравитационного оборудования и косметики, – считали твоего приятеля платежеспособным.

– Я хочу его видеть... То есть его тело.

– Не советую.

– Может быть, убит вовсе не он.

– Господина Кормана опознали, – веско заявил сержант.

– Не можешь предъявить его тело?

– Могу. Идем, раз тебе охота. Морг здесь. И хорошо, что с утра не ел.

– Где здесь?

– В номере. Этот номер «Эдема» предусматривает все, что может понадобиться современному человеку. Включая многоконфессиональную церковь, родильную палату, искусственную матку для взращивания зародыша и морг.

Блестящий ящик выкатился из холодильника и раскрылся сам собою, ибо он был создан лишь для того, чтобы хранить и чтобы раскрываться, равнодушно демонстрируя содержимое. Голова Кормана в ореоле густых черных волос казалась почти живой. Запрокинутое лицо. Ост-

рый подбородок. Нос с горбинкой – горбинка у мертвеца сделалась чуть заметнее. Шея с острым кадыком. Широкие плечи, опять же худые, и руки очень длинные, покрытые густыми темными волосами. Но от ключиц до самого лобка тело имело вид освежеванной туши из мясной лавки начала двадцатого века – тонкие пленки красного на белых ребрах, ямина, прежде вмещавшая внутренности, и сероватая белизна позвонков под слоем запекшейся крови.

Платон отвернулся, пытаясь справиться с конвульсивными спазмами желудка. И кинулся вон из морга. Да, хорошо, что он не ел – желудочный бунт прекратился после нескольких глубоких вдохов.

– Зачем? – прошептал Платон, когда из морга неспешной походочкой вышел Дерпфельд. – Зачем его вскрывали? Неужто нет больше сканеров и...

– Тело нашли в таком виде.

– Где? В морге?

– Нет. В спальне. И никаких намеков на внутренности. Как будто их кто-то сожрал. И даже крови почти не было. Чистые простыни – лишь несколько капель вокруг...

– Его убили в другом месте, а тело перенесли, – Платон иногда почитывал детективы, все больше классику, про те времена, когда не было молекулярных анализаторов и детекторов правды в каждом полицейском участке. Ныне все загадки разрешаются сразу или не разрешаются никогда. Слишком тороплива жизнь: вчерашнее преступление становится фактом прошлого, разгадано оно или нет. Статистика говорит – раскрываемость семьдесят процентов. И значит, тридцать не раскроют никогда. Тридцать безнаказанных преступлений из ста – запланированы. Статистика неопровержима. Странно даже, что Дерпфельд копается с этим делом. Видимо, процент семьдесят еще не достигнут на Райском уголке – и это объясняет все.

– Может быть, и так. Но это «другое место» пока не найдено.

– Что нужно от меня? – Платон чувствовал себя совершенно раздавленным. Если бы Вил Дерпфельд попросил его сейчас признаться в убийстве Кормана, он бы это сделал.

– Думал, ты что-то можешь прояснить. Зачем же я тебя притащил на Рай? Чтобы ты только ахал и блевал?

– Я не блевал.

– Но собирался. Честно говоря, я сильно разочарован.

– Я тоже. Мне надо зайти в бар и выпить.

– Пей, – милостиво разрешил полицейский. – Ты же не арестованный. Но выпивка за твой счет. И еще вопрос... – Дерпфельд чувствовал, что свидетель сейчас мягче воска и не торопился выпускать добычу. – Как у Кормана было со здоровьем? Какие-нибудь хронические заболевания?

– Никаких... Насколько я знаю, конечно. Были травмы... В экспедициях всегда что-то случается... Но он тут же о них забывал. Впрочем, у него не было ничего серьезного. – Археолог напряг свою генетически уплотненную память. – Если не считать случая в замке Семи башен. Кормана завалило в подземелье и раздробило ногу. Доктор Ежевикин его заштопал. Симпатичный такой старикан. У него был один недостаток: он все время поучал нас по всем вопросам.

– Вы брали с собой доктора? В экспедицию – доктора?.. Это же безумные бабки!

– Доктор Ежевикин – искатель приключений. Как я, как Корман. Ездил, так сказать, из любви к старине.

В первые дни знакомства профессор Рассольников считал Кормана чистым служителем чистой науки – точной копией образа сумасшедшего ученого. Образа, который уже более десяти веков не сползает с экранов компов, годографов и с электронных страниц упрямо не желающих умирать книг. У Кормана никогда не было дома ни на одной из самых захудалых планет, он таскал свой старенький научный комп в кейсе, ел что попало, и даже к женщинам был равнодушен. В том смысле, что Фред не делал различия между живыми женщинами и

андроидами для сексуальных услуг. Но однажды Корман признался Платону – кажется, они выпили тогда изрядно после провала очередной экспедиции – так вот, дилетант Корман признался своему другу профессору Рассольникову, что мечтает стать богачом. Да, да, очень-очень богатым. Галактическим миллиардером. И когда-нибудь на какой-нибудь планете он отыщет такое...

Что именно он должен отыскать, Фред не сообщил, многозначительно замолчав на полуслове. Но, видимо, знал, что искать, если в свадебное путешествие отправился на Райский уголок. Тогда к словам приятеля Платон отнесся, как к очередной шутке. Но, видимо, это был тот единственный случай, когда Фред говорил серьезно.

Все это обдумывал Атлантида, заказав порцию «Черной собаки» в баре. Великолепная золотая текила, кока-кола без химического привкуса, кубики льда и настоящая вишенка. О цене лучше не спрашивать. Профессор пил в одиночестве – Дерпфельд отправился в полицейский участок. В баре царил полумрак, лишь столик светился. Постояв несколько минут, пока играла тихая музыка и кружились под потолком разноцветные светильники, столик медленно поднялся в воздух и поплыл на улицу, как будто ему надоели отделанные темными панелями стены, зеркальный пол и низкий потолок. Стул с Платоном последовал за столиком. Их что-то связывало – программа чипа или дружественная паутина. Биосистемы обычно надежнее, но профессор предпочитал добрую старую электронику. И стол, и стул выплыли в синее небо так плавно, что из бокала не пролилось ни капли. Столик со стулом скользнули меж пышных макушек местных пальм и опустились возле бассейна с изумрудной водой. Полупрозрачная раковина шезлонга парила в полуметре над песочным напылением дорожки.

Сидящая в шезлонге женщина улыбнулась Платону.

Как описать ее красоту? Своеобразная? Необыкновенная? Поразительная? Роскошная? Ни один эпитет не подходил. Все вместе слишком перегружали образ. Нарисовать, изваять – вот первое, что приходило в голову при виде этого тела. А потом – приступ отчаяния – не сумеет. И никто не сумеет. Тут нужен Фидий или Лисипп. Все линии, все формы безупречны. В каждом изгибе плавность. Веки не просто прикрывали глаза, они их обводили, прочерчивая контур – никогда профессор прежде не видел таких глаз. Тонкие лепестки ноздрей были созданы резцом скульптора – иначе не скажешь. Такой овал лица бывает лишь у очень юных особ. А губам не нужен контурный карандаш, сама природа обвела контур этого рта. Брови не требовали ни коррекции, ни подкрашивания – линия была идеальной – волосок к волоску. Серебристая чешуя напыленного купальника прикрывала тело незнакомки до колен. Но сквозь прозрачную чешую можно было разглядеть и розоватые холмики сосков, и темный треугольник внизу живота. Линии ее тела были так же идеальны, как и лицо. И никакой искусственности. Ноги длинные, но длина соразмерна с телом; талия тонкая, но не кажется перетянутой невидимым шнурком; груди упруги, но не напоминают втиснутые под кожу теннисные мячи.

Красавица меланхолически отколупывала чешуйки купальника и бросала их в воду. При этом время от времени она проводила рукой между ног, но этот жест не выглядел вульгарным – при ее красоте позволительно было делать все.

– Платон Атлантида, – представился археолог и слегка приподнял шляпу. При этом он не мог оторвать взгляда от роскошных золотых волос незнакомки – после купанья они немного спутались, их кольца завились в беспорядке. Невольно хотелось запустить пальцы в эти пряди...

Несколько секунд она его внимательного разглядывала. Разумеется, она заметила все, и то, что костюм слегка помят, и цветок кактуса в петлице, и дурацкий лимон на шее.

– Я слышала о тебе, и слышала что-то очень хорошее. Но что – не помню... – она разыгрывала дурочку, и ей это шло. – Или я слышала о каком-то другом Платоне?.. Впрочем, неважно! Как ты относишься к платонической любви, Платон?

– Равнодушен...

– Разве ее нет.

– Под платонической любовью философ Платон имел в виду любовь мужчины к мужчине, которая не заканчивается физической близостью. Так что я отношусь к подобным эмоциям равнодушно.

– Елена, – представилась она. И замолкла многозначительно, ожидая, что он воскликнет: «Елена Прекрасная!» Но он промолчал. И этим немного разочаровал ее и озадачил. – Елена Корман, – добавила она. – Молодая вдова. – И при этом ни на секунду не омрачилась. – Мы недавно поженились с Альфредом.

Она? Дерпфельд сказал, что Корман женился... Но... эта красавица... Невероятно... Такая красотка подошла бы для молодого галактического миллиардера. Ясно, что она знала себе цену – тут уж сомнений никаких. И вдруг эта Елена рядом с худым угловатым Корманом, страдающим хроническим безденежьем – самым страшным заболеванием нашего мира.

– Поздравляю... – проговорил Платон хриплым голосом... И не отрываясь, смотрел на серебристый купальник. Все меньше и меньше оставалось на нем чешуинок. Тут только сообразил, что с венчанием поздно поздравлять.

– С чем поздравляешь? С вдовством? – усмехнулась Елена. Зубы ее были белым-белы. Казалось, они светятся.

– Поздравляю себя с тем, что увидел вас, – вывернулся профессор Рассольников.

– А-а... – она одобрительно махнула ресницами. Улыбка дрогнула в уголках губ. Еще одна чешуинка купальника полетела в изумрудную воду.

Платон решил не задавать лишних вопросов. Не испытывал желания. Пусть Дерпфельд допрашивает Елену Прекрасную. А он...

– Не хочешь искупаться? – предложила она. – Вода чудесная. Ласковая. Улыбчивая вода.

Повинуясь ее приказу, шезлонг медленно поплыл над водой. Елена соскользнула в бассейн без плеска – ее идеальное тело вонзилось в изумрудную воду стрелой. Платон последовал за ней – прямо в костюме. Под водой он попытался обнять ее восхитительное тело, но она ускользнула. Пока Платон всплывал на поверхность, успел потерять шляпу и сбросить пиджак.

– Только пиджак не теряй! – крикнула она и взмыла из воды прямо в раковину шезлонга – золотой поясок вокруг талии оказался антигравитационным шнуром дискретного действия.

– Богиня! – крикнул археолог, рассекая воду и устремляясь за неспешно плывущим шезлонгом.

– Я жду вас в холле, – небрежно бросила она через плечо, и раковина шезлонга помчалась быстрее.

Платон проснулся посреди ночи. Кровать была необъятна. Вся – пена. И в пене обнаженное тело Елены Прекрасной. Свет падал полотнищами, чередуя тьму со светом изумрудного оттенка. Не Луна – ибо у планеты Райский уголок нет спутников – искусственное освещение. Но светильник, парящий в высоте, казался самой настоящей Луной. Только эта Луна никогда не убывала – На Райском уголке всегда полнолуние. Ночи оборотней и влюбленных.

Платон поднялся. Ночь с вдовушкой была... как бы это выразиться... Ошеломительной. Платон прикинул, куда направиться первым делом: в туалет или в столовую. Решил, в туалет. Туалет в номере огромный, как кабинет ученого. Напротив унитаза – полка с электронными книгами в пластиковых обложках. Платон оглядел коллекцию: наверняка, она заказана Корманом. Хотя, кто знает, может быть, и Еленой Прекрасной. За тысячу лет непрерывной эмансипации женщины с трудом выучились читать в туалете. Профессор выбрал единственную книгу по археологии «Находки Эгейского моря» и опустил на унитаз, который любезно принял форму его тела.

«Эгейское море... Планета с множеством архипелагов, раскиданных по огромному Океану. Теплый Океан богат фауной и флорой, разумные местные существа – эгейцы – проводят большую часть жизни в воде. Дышат воздухом. Считается, что когда-то на Эгеиде было восемь

материков, и разумная раса обитала на суше. Но после изменения климата жители Эгеиды ушли в море. (См. Теорию о жителях Атлантиды)».

– Бред! – сказал Платон вслух. – Ушли в море и вырастили себе плавники?.. Я слышал эти байки раз сто. Обычная направленная мутация...

Археолог не успел больше ничего прочесть, ибо унитаз любезным тоном сообщил: «Вы беременны». Платон вскочил. Так и есть – под ним «разумный» толчок. Их давным-давно извели почти всюду. А вот на Райском уголке оставили. Этот бирюзовый шпион спешно анализировал любые выделения организма и автоматически сообщал по электронной почте эскулапу, чем вы больны или можете заболеть. По почте же несчастный пользователь туалета получал рекомендации, рецепты на лекарства и внушительный счет. Мода на подобные туалеты держалась несколько сотен лет. Кризис разумных туалетов случился после того, как одна злобная дама посетила двенадцать своих подруг, и у каждой опорожнила мочевой пузырь не в унитаз для гостей, а в «разумный» унитаз хозяйки. Все двенадцать подруг тут же получили сообщение о том, что у них – «венерины зубки» – мерзкое венерическое заболевание, пришедшее неведомо с какой планеты – ни одна не претендовала на честь считаться родиной болезни. Дело в том, что промежность за две-три недели зарастала острыми полипами, похожими на зубы, и сношение с больной дамой оказывалось, так сказать, чревато... Ходили легенды, что эта болезнь свирепствовала на Старой Земле в древние времена, но эпидемия прекратилась естественным путем, так как половые партнеры-мужчины уже не могли никому ничего передать. А следы о той эпидемии сохранились в мифах о красавицах, имеющих зубы в промежности, и в обычае многих первобытных народов укладывать в первую ночь в постель с невестой друга жениха. С вполне понятной целью обезопасить альфа-самца от потери достоинства. Согласно монгольским легендам, Чингисхан умер после ночи с такой зубастой красавицей. Хотя историки твердят, что престарелый завоеватель упал с лошади, но миф о роковой роли «венериних зубок» находит своих сторонников.

В современном мире любовные утехы обычно не заканчиваются столь плачевно – вживленные презервативы служат надежной защитой. Так вот, те несчастные дамы, узнав о страшном диагнозе, были в шоке. Особенно, когда получили счет на лечение и предложение внести первый взнос – двенадцать тысяч кредитов. Одна слаонервная старая дева выпрыгнула из окна.

После этого фирме-производительнице унитазов всучили многомиллионные иски... Унитазники сопротивлялись и предлагали пожертвовать несколько кредитов на поиск антибиотика против «венериних зубок». Средство от той болезни нашли, а мода на «умные» толчки прошла. Но на Райском уголке почему-то решили унитазы-шпионы оставить. У миллиардеров свои причуды. Однако Корман перепрограммировал свой так, что, получив отрицательный результат анализа на беременность, разумный унитаз сообщал: «Вы беременны» трагическим голосом. У Кормана всегда было специфическое чувство юмора.

Оценив шутку, Платон решил, что пора отправиться в столовую и выпить. Ужин накануне был очень неплох, но не столь поразителен, как великолепные чертоги. Блюда лишь назывались изысканно. Мясо оказалось суховатым, паштет грубоват, салат – пересолен. С кухней ресторанов Ройка не шло ни в какое сравнение. Но выбор вин был отменным. Хотя Платон, как всегда, отдавал предпочтение текиле. А что, если остаться здесь недельки на две и отдохнуть под видом свидетеля на великолепных пляжах, в роскошном номере, за который неведомо кто заплатил – не Корман же с его двенадцатью кредитами. И главное, в обществе суперкрасотки Елены.

Теорию новую не создашь, но черт с ней, с теорией. Разве Платон не заслужил отдых?..

Он вошел в столовую. Сказал: «Свет!»

Свет загорелся. За столом сидел гость. Маленький старичок с растрепанной седой шевелюрой, темными очень умными глазами. Нос картофелиной выделялся на загорелом морщи-

нистом лице. Перед гостем стояла тарелка с жареным цыпленком. Платон сразу узнал старика – за те годы, что они не виделись, доктор Ежевикин почти не изменился. Даже манера одеваться была прежней: белая рубашка, пиджак или куртка непременно с броским рисунком. Сейчас добавилась лишь одна деталь: желтый лимон-пропуск на цепочке. Ежевикин, как и Платон, не был членом клуба. Старик уплетал цыпленка за обе щеки. Увидев Платона, он энергично замахал руками, приглашая профессора к столу, и продолжал обгладывать куриную ножку. Атлантида достал из бара бутылку текилы. Общество Ежевика его не особенно радовало: более приставучего типа он не встречал во всей Галактике.

– Хочешь предложить мне выпить? – спросил старик, промакивая салфеткой губы. – Так вот, дружок, кажется, ты забыл, что я давно не пью ничего, кроме минеральной воды.

– Но появилась привычка есть в темноте?

– Да... так как-то спокойнее. Бедняга Фред...

Платон уселся за стол.

– Да, я помню – вы сохранили Альфреду ногу, когда того завалило в обломках.

– К сожалению, теперь Фреду я уже ничем не могу помочь, – вздохнул Ежевикин. – Хотя он прожил дольше, чем эта бедная птичка. Говорят, есть целые планеты-птичники. Там слой спрессованного навоза толщиной несколько метров.

– Ерунда. Вымысел Гринписа. Теперь повсюду умеют хозяйствовать. Ныне предпочитают сбалансированную сельскохозяйственную схему.

– Ты бывал на таких планетах? – взглянул на Платона Ежевикин.

– Нет... на них обычно нечего раскапывать.

– Вот и не говори, пока не увидишь! – Ежевикин строго повел пальцем из стороны в сторону перед носом Платона.

– Как погиб Фред? – спросил Атлантида. Тема спрессованного птичьего дерьма его не очень волновала.

– Умер. Его нашли в спальне. На собственной постели. Не на той, на которой ты трахал эту шлюшку Ленку. Есть вторая спальня. Ее опечатали, и несколько раз просматривали, просвечивали, разбирали по молекулам. Но ничего не нашли, кроме следов самого Кормана, и естественно, его супруги. И ничего криминального. Никаких орудий убийства. Его наверняка прикончили в другом месте, а труп перетащили.

– Жаль парня. Но я думаю, что загадки должен разгадывать Дерпфельд. Он справится.

– Он? Если ты потеряешь лимончик, что болтается у тебя на шее, даже его этот осел Дерпфельд не отыщет. Заказать тебе цыпленка? Жестковат и немного подсох. Но есть можно. Принесут через пятнадцать минут.

– Нет...

– А зачем тогда сюда прибыл, если есть не хочешь? Тебя вызвал Фред?

– Ну, вроде того.

– Были новые планы насчет раскопок?

– Возможно. Но ими Фред не успел поделиться.

– У парня было много планов. Не удивительно, что его убили. Надеюсь, у тебя есть подходящая версия? Ну, ты понимаешь... – Ежевикин подался вперед и шепнул: – Кто убил Кормана?

– Не знаю. А вы... знаете?

– Версия есть. И у Дерпфельда есть. И у тебя она скоро появится. Вся сложность не в версии, а в том, как поймать убийцу. Как взять его за жопу. Сомневаюсь, что у Дерпфельда это получится. Эти твари очень хитры. Я пару раз с ними сталкивался... – Ежевикин загадочно улыбнулся. – Уж если они Фреда завалили, то тебя, наверняка, обведут вокруг пальца. И Дерпфельда тоже. Я бы на вашем месте был очень осторожен. Впрочем, Фред осторожничал, а что

толку? И охрана не помогла. Скажу по секрету: охрана – видимость. Я всегда говорил, что все охранники на всех планетах зря хлеб едят!

Платон поднялся. В болтовне Ежевика, как всегда, практически не было никакой информации. Он болтал ради того, чтобы болтать, и каждый раз – обычно на одну и ту же тему. Неэффективность охраны, людская глупость, экскременты – вот его любимые темы. В разговоре Ежевикин непременно затрагивал все три, а, исчерпав, опять шел по кругу. И так до тех пор, пока собеседник не отваживался на бегство.

До рассвета еще далеко, но спать не хотелось. Вернуться в спальню и разбудить Елену и... Нет, лучше отложить венерины забавы до утра, когда над изумрудным морем начнет вставать солнце Рая. Профессор Рассольников направился в кабинет Кормана. Комнату не опечатали.

Свет в кабинете загорался автоматически. И оглядывая совершенно голые стены, полупустой книжный шкаф и стеллажи, а также совершенно чистый стол, Платон понял, что недооценил местную полицию. На всякий случай он зачем-то открыл по очереди все ящики. Но мало что нашел. В верхнем сохранились две пачки визитных карточек с эмблемой «Эдема» на настоящей плотной бумаге. Одна, упакованная в пластик. Другая – распечатанная. Именно на такой Корман написал свое послание. Все карточки были чистые, кроме одной – в середине пачки. На ней рукой Кормана был записан стих:

«Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий Боги, чтоб славною песнею были они для потомков»¹

Видимо, полицейские не подумали, что в блоке чистых карточек может лежать одна с надписью. Платон положил исписанную карточку в карман. Корман обожал цитаты из Гомера, когда они с чем-то соотносились. С каким-то событием или... Наверняка, Альфред планировал загадать еще кому-нибудь хитрую головоломку, да не успел.

С чем могли соотноситься эти две строчки, профессор представить не мог. Разве что Корман намекал на собственную близкую смерть. Если он ее предвидел, конечно. Но, скорее всего, речь шла о чем-то другом. Но о чем? Чья погибель?

Закончив обследование стола, археолог перешел к книжному шкафу.

В шкафу – электронные книги. Но и так ясно, что библиотека несколько поредела после обыска. Ничего интересного: приключенческие «искалки» с видеоблоками, интерактивные детективы, немного классики. Кроме книг на стеллажах осталась лишь коллекция раковин с планеты Эгейское море. Несколько раковин были огромными – больше метра в длину, лихо закрученные спирали с острыми шипами, одни голубовато-серые снаружи, другие – золотистые, с прихотливым коричневым узором от сиены жженой до умбры жженой, и все непременно палевого оттенка внутри с огненными лессировками по краю. Коллекция разнообразная. Но такие сувениры не редкость на перекрестках Галактики: магазины галактического Интернета предлагают наборы раковин в первой тысяче своего ассортимента.

Платон взял одну, осмотрел. Привез их Альфред или купил в качестве сувенира, когда у него появились большие деньги? Археолог осмотрел вторую раковину – побольше... потом третью... На третьей почудилась какая-то надпись. Профессор поискал цифровую лупу. Нашел на стеллаже. Нет, лишь почудилось. Всего лишь дефект – в раковину врос какой-то осколок. Говорят, раковины с планеты Эгейское море светятся, если опустить их в воду. Платон прихватил с собой три самые большие и отправился в холл. Опустил эгейских «красоток» в мелкий бассейн. Они тут же стали светиться. Две – красноватым светом, одна, самая большая, голубым. Красиво. Надо будет показать Елене. Хотя ее вряд ли можно поразить такой незатейливой забавой.

Атлантида вышел в сад – подышать сладким предутренним воздухом. Солнце уже взошло, и мир был полон восторженных предчувствий. Предчувствия, разумеется, не сбудутся.

¹ Гомер, «Одиссея», песнь восьмая. Перевод В. Жуковского.

Но это не имеет значения. На Райском уголке хотелось изыснаться высокопарно. Поэтому Платон всегда относился к любой форме Рая настороженно: за пребывание в райских кущах всегда требуют непомерную плату, как верно заметил Дерпфельд. Наверняка, парень не такой идиот, каким старается казаться. Но люди обожают принимать маску за подлинное лицо.

Прохлада обволакивала, не вызывая дрожи. Ровно подстриженная трава блестела мелкими бусинками росы и серебрилась. В прохладе растворялось все – жар тела, тревога, нехорошие предчувствия. Женщина – настоящая, не андроид – в бело-голубой форме служительница отеля расставляла на лужайке заказанную на нынешний день мебель. Женщине было за сорок. Милашка. На Райском уголке не встретишь некрасивых женщин. Все – красавицы, начиная с прислуги и кончая миллиардершей. Но то не естественная красота, ибо Рай – неестественное место.

Расставляя стулья, женщина в бело-голубой униформе заученно улыбалась. Почему ей не пристегнули белых ангельских крылышек на спину? Да, да, крылышки непременно нужны. И еще нужен антигравитационный пояс. Ангелочек-прислуга...

Не смешно.

– Вы были знакомы с Альфредом Корманом? – спросил Атлантида.

– Нам не положено говорить о клиентах. – Возможно, женщина тоже принимала таблетки антиправды – голос ее звучал так ровно, будто она рассуждала о погоде на Райском уголке, – а здесь погода всегда изумительная.

– Этот клиент мертв. А я должен найти убийцу.

Ее взгляд уперся в висящий на цепочке лимон.

– Разве вы – коп? – Она недоверчиво покачала головой, продолжая улыбаться. На полицейского профессор Рассольников был явно не похож.

– Я – частный детектив. И – кстати – убийца разгуливает на свободе. Вам не страшно? – Платон вдруг подумал, что все обитатели Рая должны быть трусливы. Ведь героизм – это всегда до Рая. А здесь подвиги ни к чему.

Женщина нахмурилась.

– Незадолго до его смерти... часа за четыре... или около этого. Я видела господина Кормана в саду. Он сидел в этом кресле. – Она положила руку на спинку садового кресла из настоящих деревянных реечек. – И он спросил меня: снятся ли мне сны? Я сказала: «Да». – «Хорошие?» – «Я принимаю таблетки „Райский сон“». – «Я тоже принимаю. Но не помогает. С первого дня, как я здесь, мне снится такое...» – он замолчал.

– Что именно ему снилось?

– «Красная полоса, – сказал он. – Красная бесконечная полоса». Он был бледен, как мел, несмотря на загар. Он боялся.

Корман боялся собственных снов? Невероятно... Здесь все невероятно... А существует ли вероятность в Раю? И какие сны должны сниться здесь? Быть может, в самом деле только ужасные?

Альфред говорил о красной полосе. В хрустальном лабиринте они вели такую от входа в надежде, что она их выведет. Но не вывела. Красная полоса... Полоса раздела... Нет, не надо строить пока теории. Рано.

Елена вышла к завтраку в шелковом пеньюаре, не напылением, а из удивительно тонкой и легкой ткани. На ощупь ткань была, как лепесток розы, и переливалась, меняя цвет от лимонного до ярко-розового. Никогда прежде Платон не встречал ничего подобного.

«Шелк с планеты Тарантул», – сообразил Атлантида. На самом деле это не шелк, а паутина местных пауков. Причем окраска натуральная. Паутина встречается удивительных оттенков. Ибо пауки не прячутся, не пугают, а привлекают жертвы. Мухи и бабочки стремятся умереть в объятиях хищников. Их яд вызывает экстаз. Несколько часов экстаза, пока убийца пьет

кровь. За это не жалко отдать короткую мушиную жизнь. Экстаз, пережитый жертвой, добавляет яркости паутине, сотканной пауком. Ничто в этом мире не пропадает зря.

– Фред бывал на планете Эгейское море? – спросил, как бы между прочим, Платон.

Завтрак был скудноват: яичница с искусственным беконом и бутерброды с изумрудной икрой и кофе. Кофе жидкий, икра пахла чем-то синтетическим.

– Почему вас это интересует?

– Я нашел в его кабинете коллекцию раковин с Эгеиды. Вот и спросил.

– Да, кажется, был... – Елена положила в рот ложечку изумрудной икры. – Завтракай, Тони. Пока нас с тобой не выставили из этого шикарного номера.

– Все говорят, что ваш муж был богат.

– Да, был. И я так считала. А когда его убили, выяснилось, что на счету Фреда осталось двенадцать кредитов. Занятно.

Не слишком ли часто упоминают эти двенадцать кредитов все, кому не лень? Профессор отметил про себя, что ему начинает нравиться роль частного детектива.

– Однако вас не попросили уехать.

– Номер оплачен на месяц вперед. А вот питание – нет. Но люди нынче стали альтруистами. Никто не позволит умереть бедной вдове с голода в этих роскошных апартаментах. Так что мне приносят поесть. Не самое лучшее. То есть то, что обычные клиенты есть ни за что не будут. Пересоленная икра или пережаренное мясо. Если я не смогу заплатить, они позволят мне убраться. Если смогу – слупят бешеные деньги за эту вонючую икру. Вы замечали, как мало в мире хороших поваров?

– Как и хороших археологов, – ввернул Платон. – Фред Корман был хорошим археологом.

Она с силой оттолкнула от себя хрустальную вазочку, та упала и разбилась. Икра забрызгала пол и ноги Атлантиды: он сидел за столом в одних шортах. Да еще пропуск-лимон на цепочке.

– Он был трусом! И все время чего-то боялся. Вскакивал по ночам. А когда я попросила перевести пару миллионов на мое имя, как разорался! Бог мой! Он бегал по холлу в одних трусах и визжал, как резаный. Пришлось звать старика Ежевика, тот его успокаивал, прыскал какой-то аэрозоль. Представляете, молодой здоровый парень, а из страха держал личного врача и платил ему бешеные деньги. За что? За то, чтобы тот сидел, целый день ничего не делая, и разгадывал дурацкие шарады. И каков результат? Фреда прикончили, а денежки исчезли. Может, ты знаешь, куда Фред дел свои денежки? – зло спросила Елена.

– Не знаю. – Профессор вертел в руках свой лимон-пропуск. – Если твои дела так плохи, зачем же сидеть здесь и питаться пересоленной икрой?

– Зачем? – Елена изумленно глянула на археолога. – Неужели не понимаешь? На Райский уголок не часто удастся попасть. Думаю, здесь найдется парочка холостяков, которые тяготятся своим одиночеством. – И, заметив, что Платон насторожился, она расхохоталась. – Не бойся, милашка, люди с лимоном на шее меня не интересуют. Днем я стараюсь общаться лишь с членами клуба. Однако они очень осторожны. И прежде чем забраться к кому-нибудь в постель, стараются заключить любовный контракт: мол, не обязуюсь и ответственности не несу... А я человек стихийный и терпеть не могу контракты. Ах, если бы ты, Тони, оказался миллиардером!

Она глянула на профессора очень выразительно: так удав глядит на кролика, с которым решил устроить симбиоз. А Платон решил, что в отсутствии миллиардов тоже есть своя прелесть. Во всяком случае, забираясь в постель к очередной красотке, не надо оберегать свой счет и всякий раз заключать любовный контракт. Платон тоже предпочитал стихийный порыв. Особенно без серьезных последствий.

– Профессор Рассольников! – взревел Дерпфельд, появляясь на пороге столовой. – Что ты делаешь?

– Завтракаю, что же еще? – Платон стряхнул с колена комок изумрудной икры. – Ты завтракал? Я знаю, у копов всегда проблемы с питанием. Как и у археологов. Присоединяйся. Икра дерьмовая, но у меня есть экотаблетки.

Сержант оставил щедрое предложение без внимания.

– Откуда взялись раковины в бассейне?

– Я их положил. Взял из кабинета Кормана и опустил в воду.

– Зачем? – Взгляд Дерпфельда буквально сверлил Атлантиду.

– Эгейские раковины светятся в воде. Вот я и решил немного украсить холл. По-моему, вышло неплохо.

– Иди сюда! – Дерпфельд энергично взмахнул рукой. – Скорей же!

Профессор пожал плечами, но последовал за полицейским. Две раковины лежали на камнях, окаймлявших бассейн. А третья, самая большая, светящаяся голубым, осталась в воде.

– Смотри! – Дерпфельд ткнул пальцем в голубую раковину. – Да смотрите же внимательно!

Платон наклонился над бассейном. На фоне голубого красным горели буквы.

«Десять миллиардов кредитов – цена Жи-джиу».

Сердце в груди археолога аж подпрыгнуло... Десять миллиардов. Да, с такими деньгами можно хоть всю жизнь бездельничать на Райском уголке. Черный археолог, как и любой кладоискатель, по неписаному кодексу непременно оставит своему собрату сообщение на развалинах: «Здесь я нашел золотой клад, а ты не найдешь ни хрена». Чтобы незадачливый коллега глотал слюну, изучая надпись. Сообщение на раковине предназначалась именно Атлантиде. Десять миллиардов... У профессора потемнело в глазах – будто он одним залпом осушил полную чашу яда. Качественный яд – прожег до самых печенок. Яд тот зовется завистью, и противоядия от него до сих пор не найдено. Что толку убеждать себя: я лучше, я умнее – от этого яд доставляет лишь больше мучений. Если рассудить честно, то Корман трепло, ничтожество, дилетант. Так нет же, отыскал какой-то неведомый Жи-джиу и... И его убили. Но это так, это последствия. Сначала он получил миллиарды. А что отыскал профессор Рассольников? Много чего. Только в итоге каждый раз получал в награду солидную фигу.

Нет, не стоит отравлять себя завистью. Лучше треснуть Фортуны по гнилым зубам и включиться в игру, предложенную шутником Фредом. И в этот раз уж наверняка выиграть.

Что же подразумевал Корман под названием Жи-джиу?

Нетрудно предположить, что клад был найден на планете Эгейское море, – раз Корман оставил свое послание на раковине. Но что за клад? И куда делись деньги? И почему в Интернете не было никаких сообщений о находке?

– Нашел десять миллиардов? Клад? – спросил профессор Рассольников – скорее, у себя самого, чем у Дерпфельда. – И что такое Жи-джиу? На каком это хоть языке? Может, на эгейском, раз это раковины с Эгейского моря? Ты не знаешь эгейского?

– Пока нет.

– Я тоже. Кстати, там, в кабинете, среди пустых карточек я нашел одну с запиской. Поначалу не придавал ей значение, но теперь она кажется мне очень важной.

Платон процитировал записку:

«Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий Боги, чтоб славную песнею были они для потомков».

– Ну и что это значит? – Дерпфельд ждал немедленных объяснений.

– Это Гомер. Цитата из восьмой песни «Одиссеи». Гомер... Эгейское море. Тут явная связь.

– Отлично. Теперь я это знаю. Это как-то связано с убийством?

– Возможно, это связано с кладом, который Корман нашел... на Эгеиде? – высказав предположение, Платон внимательно глянул на Дерпфельда.

– Клад на Эгейском море. Смерть в «Эдеме». И между ними послание Гомера. Ничего не понимаю, – чистосердечно признался сержант. – Но связь есть?

– Связь есть, – подтвердил Платон. – И Альфред Корман чего-то или кого-то смертельно боялся.

– На меня он не произвел впечатления испуганного человека. Хотя, была одна странная вещь... Я встречался с ним несколько раз. Он хотел пригласить на Райский уголок то одного своего приятеля, то другого, просил оформить пропуска. И, кстати, залог вносил тут же, по первому требованию. А залог велик... Но всякий раз отменял приглашение.

– Меня он тоже хотел пригласить? – с улыбкой спросил Платон, уверенный, что услышит в ответ «да». И ошибся.

– Тебя – нет! – заявил Дерпфельд. – О тебе речи не было.

Платон не ожидал, что это его заденет. Но задело. Какая мелочь! Какая чепуха... наплевать! Профессор Рассольников вернулся в столовую и налил себе текилы.

– Твой Корман – сволочь! – сказал он с улыбкой Елене.

Один глоток, и тут же обида показалась смешной и нелепой.

– Он и тебя надул? – вдовушка расхохоталась. – Он всех надул. Но никто не посмеет удалиться. Мы все на поводке. Будем плясать вокруг его выпотрошенного трупa. Где вы, пропавшие миллиарды? Ау! Кстати, ты знаешь, что полиция Райского уголка обещала заплатить один процент от найденных денег? Нет? Значит, и тут тебя надули. – Она поднялась. – А с меня копы взяли расписку, что я согласна на этот грабительский процент.

– Я собирался поведать профессору об обещанной награде. – Дерпфельд уселся за стол и принялся метать в рот ветчину – кусок за куском.

Елена удалилась. Шелковистая паутина ее пеньюара шелестела при каждом шаге. Дерпфельд перестал жевать и провожал взглядом красотку. Ткань сверкала, подчеркивая каждую округлость тела.

– Хороша, дрянь. И главное, не поддельная... – Дерпфельд спешно глотнул и едва не подавился.

– А ты был женат, сержант?

– Был. Однажды. Когда еще служил в военном флоте Лиги. Милашки из баров мне не нравились – слишком потасканные и сплошь – дешевая биокоррекция. Вот я и решил отыскать девочку в брачном агентстве. Я тогда не знал, что искательницы мужей заказывают себе компьютерное омоложение – это гораздо дешевле биокоррекции. Так что по тахионной связи со мной общалась двадцатилетняя очаровашка, а на встречу прибыла столетняя старуха, сумевшая наскрести сотню кредитов на реставрацию лишь титок и мордашки. Кожа на шее у нее была, как выдавшая виды обивка кресел межпланетного челнока, задница – сплошные бугры... – Дерпфельд содрогнулся. – Она содрала с меня неустойку – тысячу кредитов плюс деньги на обратный перелет. С тех пор я предпочитаю пробовать товар наощупь. А твой дружок Корман хапнул первосортный экземпляр.

– Дружок Корман... – передразнил Платон. – Меня не было в списке гостей.

– Зато он упомянул тебя в статье о посещении Хрустального лабиринта. Статья затерялась на одном из сайтов МГАО и обнаружилась совершенно случайно, когда я запустил программу возвращения отправленных в архив сайтов. Из всех неархивированных разделов статья была изъята. Не было ее и в личном компе Кормана.

– Ты не пытался восстановить стертые файлы?

– Корман механически уничтожил часть памяти. Но вы же были с ним в лабиринте вдвоем. Что там особенного произошло?

Платон рассказал. Сержант слушал внимательно. Что-то просил повторить, задавал наводящие вопросы. Ничего интересного. Абсолютно ничего.

– Может, он что-то особенное упомянул в статье?..

– Он сообщил куда меньше, чем ты. Но что-то он хотел скрыть. Весь вопрос – что...

«Не строить теории, – вновь одернул себя Платон. – Гипотеза появится сама... Надо только подождать».

Ждать он терпеть не мог.

Сообщения о раскопках на планете Эгейское море были скупы и однообразны. Где там можно найти клад в десять миллиардов? Гробницы? Нет никаких гробниц на Эгеиде. Храмы с сокровищами? Про храмы есть глухие упоминания. Каждый известный род эгейцев имел своего собственного бога и свое святилище. Их развалины встречаются повсюду. Еще сохранились общие храмы Восьми материков. По храму на каждом из крупных архипелагов.

«Согласно некоторым данным, в храмах Эгеиды находятся уникальные алмазы. Лишь алмаз свыше пяти тысяч каратов достоин был богов Эгеиды. Так что знаменитый «Куллинан» – крошка по сравнению с храмовыми сокровищами планеты. Самые уникальные сокровища таил храм Северного материка, который теперь находится на Северном архипелаге».

Кто знает, может, Корман стащил из храма пару таких камешков? Жаль, Платона не было рядом. Пришел, взял, рассовал по карманам. Чушь, конечно... Но кто знает... Грабить храмы для черного археолога – привычное дело. Вся проблема в том, что такие действия не находят понимания у аборигенов.

«Развито изобразительное искусство»... – Это сообщение ничем не подтверждалось.

Развито искусство... Как будто искусство – это земледелие или производство пластика.

А вдруг что-нибудь уникальное? Вот именно – что-нибудь! Культура Эгеиды считается второсортной. Каждая планета высоко ценит лишь собственное и презирает чужое. Чтобы иметь цену галактического масштаба, надо принадлежать к признанным цивилизациям. Эгеида такой милости не удостоена. Да она и не претендует, не рекламирует себя. Напротив, таится. Кое-что предъявляет, но как будто стыдливо. Вот данные по раскопкам на Южном архипелаге: несколько десятков примитивных золотых вещиц, украшения из раковин, ларцы из лазурита. Да, золото на планете есть. Но сколько золота надо вывезти на десять миллиардов, если нынче цена на галактической бирже – пять с половиной кредитов за одну тройскую унцию?

М-да... На себе не унесешь – это точно.

Известный специалист по Эгеиде советовал вести раскопки на новом шельфе. Именно там и только там, доказывал он, погребены сокровища планеты. В затопленных дворцах остались уникальные произведения искусства и сокровища царских фамилий. И, главное, – родовые храмы, которых бесчисленное множество. Там ждут своего часа бесценные артефакты периода Восьми материков.

Но если Фред разграбил чей-то личный храмик и обогатился на десять миллиардов, то почему бы и Платону не заняться тем же? Профессор Рассольников ощутил привычное волнение. Запах сокровищ! Он его чувствовал.

«Это глупая шутка!» – хотелось крикнуть Платону, пока Дерпфельд излагал ему свой план. Но не стал кричать. Потому как полицейский не шутил, а вполне серьезно предлагал профессору Рассольникову вести раскопки на планете Эгейское море. Раскопки за счет полиции Райского уголка. Предложение не столько заманчивое, сколько удивительное. Обычно раскопки черных археологов финансируют авантюристы и сумасшедшие. Никак не полиция. Кажется, подобный патрон у Платона Атлантиды объявился впервые.

– Но зачем?!

– Работа под прикрытием. Слышал?

– Может быть... – начал было профессор.

– Мы изображаем археологов, внедряемся в среду и собираем материалы, – принялся излагать план действий сержант. – Все ниточки тянутся к этой планете. Там был найден клад. И убили Кормана жители Эгейского моря – это точно. Нам лишь надо отыскать улики. И узнать, что он нашел. Как только мы это узнаем, то поймем, кто убийца.

– Чего тут понимать? За десять миллиардов любой прикончит любого.

– Да? – Дерпфельд нахмурился. – Значит, и ты мог убить Кормана?

– Мог. Но, во-первых, я не знал, что он разбогател, а во-вторых, был далеко.

– Да? Надо проверить твоё алиби. А то вдруг, в самом деле, – твоих рук дело?

– А может – это ты? Сам-то что делал в момент его смерти?

– Ладно, я снимаю обвинения... Корман знал, что его убьют. Он не отдыхать прибыл на Райский уголок – прятаться, учитывая закрытость планеты и совершенную охрану. Но все равно эгейцы его убили.

– Почему ты решил, что именно жители Эгейского моря? – Профессор Рассольников не скрывал сарказма. – Из-за раковин?

– Нет, из-за вида трупа. Так разделявают труп, прежде чем бросить в море, только жители Эгейского моря. Это их почерк.

– Религиозный обряд?..

– Что-то вроде этого.

Платону не нравилась эта версия. Она была поверхностной, слепленной наспех. И потому не убеждала.

– Кстати, я выяснил, что означает «Джи-джиду», – сообщил сержант. – С эгейского на космолингв можно перевести как «прозрачность», «невидимость», «алмазность».

– «Алмазность»? Что такое «алмазность»? Может, «алмазов»? То есть записка гласит: «Такова цена алмазов». – Платон сделал усилие, подавляя невольное волнение. И опустил глаза, старательно разглядывая пол. Он знал, что глаза у него сейчас предательски блещут.

– Может быть... – согласился Дерпфельд. – Эгейский, как мне сказали – непостоянный язык, вряд ли Корман знал его досконально. Решил блистнуть и ошибся.

«Нет, – подумал профессор. – Не похоже, что Корман так «блистанул». Но алмазность... алмазы – это где-то рядом. Надо только, чтобы коп не догадался».

– Кстати, готов анализ моего осколка? – спросил он небрежно. – То есть осколка, присланного Корманом.

– Готов, разумеется. Результатец странный. Хотя ничего секретного. Это кусок композита. И он подвергся воздействию высоких температур. Из него штампуют гробы для перевозки жмуриков в космосе. Сам знаешь, гробы держат в негерметичном отсеке и потому... Родственники не любят, когда физиономия трупа немного поджаривается или распухает.

Кусок гроба... Вот мерзавец! Итак, это очередная шутка Кормана. Разбогател, заполучил красавицу-жену и решил подшутить над другом. В самом деле, смешно: Корман на Райском

уголке, Платон – на Кроне-3 в обществе френдов и защитной паутины. Отыскав клад стоимостью в десять миллиардов, можно позволить себе какие угодно шутки.

Затея Дерпфельда и его начальства Платону совсем не нравилась. Но отказаться он не мог. Отказаться – это признать, что Корман был умнее, догадливее и... талантливее. Алмазность... алмазы... Дудки! Атлантида разгадает эту загадку, и шутнику Корману не удастся над ним посмеяться – даже с того света.

Профессор Рассольников не питал никаких иллюзий на счет щедрости полиции: из списка оборудования – причем весьма скромного – Дерпфельд тут же вычеркнул половину. От фрахта космолета сержант отказался, заявив, что их вместе со всем имуществом доставит до нужной пересадочной базы полицейский челнок.

– Кстати, не думай, что получить лицензию на археологические работы было так просто. Единая лицензия на Эгеиде не действует. Необходимо разрешение местных властей, с одной стороны, а с другой – виза Службы Безопасности Лиги Миров, – сообщил сержант.

– Они-то при чем? – подивился Атлантида. – Разве эта планета находилась в зоне военных действий?

– Нет, никогда. И, кажется, на самой Эгеиде давным-давно не воюют. Но разрешение Службы Безопасности требуется.

– Если так, то Корман получил и то, и другое? Или он...

– Проник тайком? Я тоже сначала так думал. Нет, он действовал официально. А лицензию ему помог получить доктор Бреген. Глава филиала галактического концерна «Гибрид». Теперь ты это знаешь.

– «Вся таблица Менделеева в нашем кармане», – вспомнил Платон слова рекламы.

– Именно... Точно сказано – у них в кармане. У них полгалактики в кармане.

– В молодости ты были антигалактистом?

– Нет... – ухмыльнулся сержант. – В молодости я был военным пилотом и ругался только с начальством. Антигалактистов в космофлот не берут. И что ты все ворчишь?

– Я не ворчу – я шучу. Как Корман. Он всегда шутил. И вот теперь сыграл с нами свою последнюю шутку. Кстати, мы должны договориться заранее, как будем делить найденные сокровища. Таков обычай искателей древностей.

– Я не кладоискатель, а полицейский. – Тон сержанта сделался суров. – И все найденные сокровища поступят в распоряжение полицейского управления Рая.

– А нам? – изумился Платон.

– Нам – приз за найденные миллиарды Кормана.

Профессор Рассольников нахмурился. Ну, раз так... То ни полицейское управление, ни сержант не получают ничего из того, что найдет Платон Атлантида.

Профессор Рассольников был не настолько наивен, чтобы поверить, что можно соперничать с полицией на равных. Да, Вил Дерпфельд сыграл неплохо роль идиота-копа из пяти-сотсерийного компьютерного шоу. Но поскольку он не учился в высшей политической актерской школе, а пользовался простенькой инструкцией, которую можно найти в Интернете, да собственными способностями, то от его игры разило дилетантством за парсек. Ну что ж, профессор Рассольников тоже может сыграть наивного ученого, который верит в нерушимость договоров и страшно удивлен тем, что его так открыто пытаются надуть.

– Да, да, мы теперь партнеры, сержант! – бормочет наивный профессор. – Но почему-то партнеры неравноценные. Ты не ознакомил меня с конфискованными материалами убитого. А там может быть скрыта важная для меня информация.

Дерпфельд пытался ускользнуть, доказывал, что в материалах нет ничего интересного, но Платон не уступал. Пришлось предоставить в распоряжение археолога диск с копиями конфискованных материалов. Ничего интересного там, в самом деле, не было. И главное – не осталось отчетов о работе на планете Эгейское море. Были только две карты. Первая – реконструкция недавнего прошлого планеты, когда на Эгеиде существовали восемь материков. Но после того, как произошло потепление, растаяли полярные льды, и уровень Океана поднялся, над водой остались лишь многочисленные острова. Совсем другой рельеф демонстрировала вторая карта. Новый шельф, возникший после затопления, был отмечен жирной штриховкой. Кроме этой штриховки, никаких особых значков не было. Над островком «Дальний» к северо-западу от Северного Архипелага стояла надпись «Пергам».

Был еще дневник, который Альфред вел, но всего несколько дней и только в самом начале экспедиции. Записи обрывались загадочным словом «Крто»... А потом – ни строчки. На раскопки ему было отпущено два месяца. Корман же пробыл на планете месяц и три дня и покинул Эгейское море. Согласно данным полиции, при нем не было никакого багажа. Если не считать личных вещей и коллекции раковин.

И все. Не густо.

Пергам? Что Корман подразумевал под этим? Библиотека? Пергамент? Алтарь? Гадать пока бесполезно, слишком мало материала. Но то, что ни первое, ни второе, ни третье, можно быть уверенным. Альфред Корман не загадывал простых загадок. Ассоциации у парня возникали самые невероятные.

Попытка восстановить утраченные записи дневника ничего не дала.

«КРТО...» – что значат эти четыре буквы?

Платон попытался связать Пергам с буквами – «КРТО». Но никак не связывалось.

Оставив материалы Кормана в покое, профессор заказал новую модификацию подводного костюма-адаптера, несколько землесосов для подводных работ и два кресла-антигравы модели «антигеморрой». На Эгеиде кресла-антигравы очень популярны.

Полицейский корабль оказался примитивной летающей тюрьмой.

Со скоростью черепахи он перебирался с планеты на планету, наполняя свои трюмы преступниками, сбежавшими из-под залога подследственными и безденежными, начинающими карьеру копами. Молодые копы все были необыкновенно жирные, с одышкой, и во время болтанки, когда генераторы искусственной гравитации работали в переходном режиме, блевали все разом, будто по команде.

Шланг сборника «блевантина» у одного из кресел лопнул. И тут как раз напрочь вырубилась все генераторы гравитации. Комья густой желто-рыжей массы закружили в воздухе...

– Я сейчас кончу... – завопил один из арестованных в обезьяннике.

Генераторы включились, причем с тройной перегрузкой, и комья блевотины градом обрушились на будущих копов.

А из-за решеток клеток неслись однообразные реплики на счет задниц охранников и таящегося в них наслаждения. Из Рая профессор Рассольников сразу же попал в ад.

ГЛАВА 3

ПЛАНЕТА ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Документ 3.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Объект готовится к каким-то действиям, несомненно, связанным с Джи-джиду. Веду наблюдения. Срочно требуется помощь. Прибытие гостей лишь осложнит положение. Им все равно ничего не добиться. Будут только мешать.

Фирма «Гибрид» вела добычу полезных ископаемых на старом шельфе. Здание космопорта в стиле космомодерна на острове Каменном украшали ее рекламные щиты. Посередине просторного холла высилась трехметровая голограмма, изображавшая главу филиала Ганса Брегена в обнимку с императором Эгеиды. Человек и эгеец были одного роста. Эгеец опирался на раздвоенный хвост и обнимал главу филиала человеческими руками и изображал человеческую улыбку на человеческом лице.

– Разве эгейцы... – начал было Платон.

– Не здесь и не сейчас, – остерег его сержант. – Улыбайся. Галактика обожает, когда люди улыбаются. И мы улыбаемся. Даже когда хотим блевать.

«Но ведь эгейцы не гуманоиды. Рук у них нет, а голова, скорее, похожа на морду нерпы», – закончил про себя фразу Атлантида. Он был упрям и собственные мысли, как и собственные дела, любил доводить до конца.

Две милые девушки гуманоидного вида, а на самом деле амфибии с планеты Тритон, внимательно изучили пропуска с эмблемой Лиги Миров, снабженные голограммами Службы безопасности, и мило защебетали о том, что рады, счастливы, надеются... А главное, представитель филиала фирмы «Гибрид» уже ожидает гостей. Девушки щебетали и щебетали, и почти с нежностью касались гостей. Жужжал какой-то агрегат под потолком. И археолога охватило странное беспокойство. Будто он не в холле космопорта, а в пчелином улье. Он обернулся. С просторного, как брачная постель, дивана поднялся молодой человек в безупречно белом костюме. Профессор Рассольников растерянно моргнул – не свое ли отражение он видит? И нервно поправил цветок кактуса в петлице. «Отражение» поправлять цветок в петлице не стало. А цветок у сотрудника был, хотя и не «mamillaria blossfeldiana».

– Я здесь по поручению Ганса Брегена, – сообщил молодой человек. – Андрей Королев. Заведующий отделом по внешним контактам. Прошу за мной. Ганс Бреген вас уже ждет.

У зав. отделом по внешним контактам было красивое, явно откорректированное лицо, очень светлые волосы и ослепительная улыбка. Профессору Рассольникову Андрей показался чем-то схожим с новеньким андроидом. Чем именно – сразу не понять. Но что-то общее было.

– Господин Бреген ждет? – переспросил Вил Дерпфельд и огляделся. – Где именно?

– На своей базе. Он прислал за вами личный глайдер.

Как видно, Бреген был самой важной персоной на планете, важнее императора и его свиты. Но это гостей не удивило.

Серебристый глайдер с голограммой «Гибрида» на борту взмыл в небо. Внизу вокруг расположенного на высоком плато космодрома тянулась мелкая лагуна, на поверхности изумрудной воды сверкали крупные серебряные чешуины.

– Что это? – спросил Платон у зав. отдела по внешним контактам.

– Солнечные батареи. Увеличить! – последовал приказ чипу на прозрачной боковине. – Ну, как, здорово? Последняя модель глайдеров, как вы успели заметить. Наш филиал располагает двенадцатью такими машинами.

Сразу вместо крупных чешуинок перед глазами археолога возникли блюда солнечных батарей. У берега на мелководье они стояли почти вплотную друг другу. А дальше, мористее, все реже и реже, ловя уже не только прямой, но и отраженный свет. Подвижные опоры поворачивали блюда вслед за светилом, как чашечки огромных цветов.

– Кстати, у нас есть свой пассажирский космический челнок. Если понадобится, он к вашим услугам, – продолжал фанфаронить зав. по внешним сношениям.

Глайдер взял выше: за солнечными батареями сразу шли ряды волновых ловушек. Проходя сквозь силовые неводы, волны уже не дыбились, а лишь тихо поплескивали, отдав свою энергию жадным поглотителям. Никогда Океан не сможет здесь побуйствовать всласть – стоит волнам подняться чуть выше, и вскормленные энергией самих волн ловушки накроют их и заставят смириться. Наблюдателен был создатель волновых неводов – ничего не скажешь. Приметил, что в жизни всегда так: тяжелой дланью давят нас те, кого мы сами и вскормили.

Ганс Бреген возглавлял филиал фирмы «Гибрид» на планете Эгейское море уже девять лет и три месяца. Сам он непосредственно на планете не проживал. На высоте около двух километров его станция медленно Дрейфовала над поверхностью единого Океана, счастливо минуя на своем пути тайфуны и шторма. Из прозрачной кабины станции Бреген мог часами любоваться волнующимся внизу виноцветным морем, находя некоторое очарование в однообразии морской планеты. Да, господин Бреген любил Океан и редко появлялся на многочисленных архипелагах.

Когда на экране его компа возникла физиономия Вила Дерпфельда, Бреген невольно раздражился. Приезд нынешней экспедиции Брегена несколько озадачил. Во-первых, союз полицейского с археологом был замечателен сам по себе (Дерпфельд не считал нужным скрывать от почти всемогущего господина Брегена свою профессию – все равно тот узнает). Во-вторых, эти двое собирались заняться на планете раскопками на новом шельфе, не сообщив заранее, что планируют найти. В-третьих, они не просили их спонсировать. И это было самым странным. Ибо у Брегена все просили денег. Даже император Эгеиды. Всему странному нельзя доверять. Бреген и не доверял, подозревая не слишком умелую ловушку.

Однако с гостями представитель фирмы был любезен. Улыбка, как лакированная наклейка, скупые жесты, спокойный тон. Такой же спокойный, как расцветка пластика на стенах, обивка мебели или узор его просторного халата. Ибо на провинциальной планете Бреген с утра до вечера ходил в халате и даже представителей Лиги Миров встречал непременно в нем. Халат был символом уюта и удобства. Бреген обожал уют.

– Моя фирма ведет разработки полезных ископаемых на старом шельфе. К археологическим находкам мы относимся с должным пиететом, – сообщил директор филиала, предвзяв все возможные упреки со стороны поклонников старины. – Если моим рабочим попадется какой-нибудь артефакт, его тут же передадут директору столичного музея. Причем, прошу заметить, безвозмездно.

– Мы слышаны о вашей щедрости и вашей образованности! – Восторг сержанта казался почти искренним. – Могу я задать вопрос? – От прежних нагловатых и пошлых манер полицейского не осталось и следа.

Ну конечно! Кто же сомневался, что будут вопросы. Зачем же полицейскому покидать Райский уголок и тащиться на Эгеиду? Лишь для того, чтобы задавать и задавать вопросы. И получать на них лживые ответы.

– Вы были знакомы с археологом Альфредом Корманом? Разумеется, Корман, мелкая галактическая мусоринка, но, может быть, вы что-то запомнили?

Бреген кивнул. Едва заметно. Будто сомневался, стоит ли отвечать на вопрос или...

– Я знаком на планете с каждым человеком.

– Он вел раскопки по вашему заказу?

– Нет... Он действовал на свой страх и риск. Я лишь частично спонсировал его. Кажется, он сообщил как бы между прочим, что получил грант от МГАО. Но не уверен... Честно говоря, любая галактическая фирма обязана покровительствовать науке и культуре. Вот я и решил немного помочь этому Корману. Молодой начинающий археолог, к тому же поэт и скульптор. Я не мог отказать. Но не особенно интересовался его работой, прошу заметить.

– Вы часто с ним виделись? Не обязательно отвечать на вопрос, но все же...

– Несколько раз. Пять или шесть – не более. Наверное, все-таки – шесть. Он был у меня на обеде через день после прибытия. Да... был. Но если хотите знать точно, обратитесь к секретарше. В ее компе все записано.

– Ну, зачем же! В конце концов – это не имеет значения: пять или шесть... Корман сообщил вам о своих успехах?

– Нет, он был немногословен, я не настаивал. Мы беседовали об умирании Галактической культуры, и сошлись во взглядах. Последний раз мы встретились с господином Корманом в Столице на приеме у императора.

– Его принимал сам император?!

Дерпфельд и Платон переглянулись.

– И... у вас были еще какие-то дела с ним?

– Он просил у меня охрану. Двадцать пять человек. Да, именно человек. И заплатил за все. Что, прошу заметить, само по себе удивительно. Такая охрана стоит чрезвычайно дорого.

– Вы не заподозрили, что он обнаружил на планете что-нибудь ценное? Его поведение более чем странное и...

– Разумеется, заподозрил, – нахмурил брови Бреген. – И решил, что он ведет себя некрасиво. Если археолог что-то нашел, то должен был объявить о находке и поблагодарить спонсоров. К тому же по закону произведения искусства с Эгейского моря нельзя вывозить просто так. Половина найденного остается здесь. Я потребовал предъявить клад. А он, нагло глядя мне в глаза, предложил осмотреть его вещи. Мои люди перерыли весь его багаж. И... Он ничего не вез с планеты... абсолютно ничего. Ах да... коллекцию раковин. Обычные раковины – их можно купить в любом киоске пересадочной базы. Ширпотреб... Не терплю ширпотреба. Кстати, не хотите выпить? У меня отличный погреб с дорогими винами.

Бреген сказал ровно столько, сколько хотел, и демонстративно переменил тему разговора.

– Погреб на летающей базе? – усомнился полицейский.

– Местонахождение в пространстве не имеет значения. Идемте, и убедитесь сами.

Погреб был как настоящий. Даже пахло сыростью и плесенью. От зеленоватых камней веяло прохладой. И темные бутылки покрывал тонкий седой налет.

– Восхитительный погреб! – воскликнул Дерпфельд. – Только истинный художник мог создать такое. Я потрясен! Клянусь Галактикой, потрясен!

Бреген сдержанно улыбнулся: было видно, что он польщен.

– Что предпочитаете? Токайское? Бургундское? Я на Эгеиде более девяти лет, и все время пополняю свою коллекцию. Разумеется, эти вина не со Старой Земли, а с новых планет, но вкус превосходен, могу заверить. Вы, профессор, наверняка оцените.

– Предпочитаю текилу, – не слишком любезно отозвался Атлантида. Просто для того, чтобы позлить Брегена. Этот тип явно что-то скрывал. Причем, как будто даже намекая, что скрывает. Будто издевался.

– А вы что думаете? – обратился глава филиала к Дерпфельду.

– Восхитительный художник... Только истинный погреб... – Дерпфельд сбился и замолчал. Его неловкое смущение было красноречивее лстивых слов.

– Я думаю, зачем Корману понадобилось двадцать пять человек охраны? – Вдруг спросил профессор Рассольников, видя, что сержант полностью деморализован и вести дальнейшее наступление не способен. – Его кто-то пытался убить? Кто-то ему угрожал?

– Нет, не заметил... Он, правда, поссорился с Крто... Но это особый разговор. С кем же еще ссориться, как не с местными властями? Но на то она и провинция... – Бреген многозначительно вздохнул.

Платон не подал вида, что имя Крто ему знакомо.

– Кто такой Крто? – спросил Дерпфельд.

– Архонт Северного архипелага. Изрядный мерзавец, надо сказать. Но с ним можно договориться... Ну да вы с ним еще познакомитесь.

Видимо, Крто чем-то не устраивал главу филиала, но не сильно ему мешал.

– Выпьем за успех вашей экспедиции, – Бреген налил вино в хрустальные бокалы (настоящий хрусталь, не пластик – уж археологу не знать ли!). – Если захотите часть артефактов утаить от архонта, то... – он многозначительно улыбнулся. – Буду рад оказать вам любезность.

Как видно, Бреген не особенно чтит закон. Зато блюл свои интересы.

– Что, собственно, вас интересует? – свой вопрос Бреген задал как бы между прочим.

– Культура Восьми материков, – отвечал Атлантида. – А если быть точным – религиозные родовые культы и храмы.

Что же такое вывез Корман с планеты? Явно находка была невелика по размерам. Явно – что-то совершенно экстраординарное. Знает Бреген? Догадывается? Наверняка, что-то знает. И быть может, в доле...

– Кстати, советую у меня в филиале поменять несколько сотен кредитов на пластиковые жетоны. Жетоны там внизу, – слово «внизу» Бреген произнес с нескрываемым презрением, – в большом почете.

– На архипелаге нет банков? – удивился Атлантида.

– На острове Сомнения я видел лишь один симпьютер для связи с банком Лионский межпланетный кредит. Так что обратитесь лучше к господину Королеву: он поможет провести вам все нужные финансовые операции.

На Райском уголке у Кормана была охрана, в Раю всех и каждого охраняют круглосуточно. Но все равно эгейцы настигли его там и убили. Загадка лишь в том, как они проникли на планету. Дерпфельд не уставал повторять, что безопаснее Рая планеты нет. Он лично проверил все временные пропуска, выданные после прибытия Кормана. Ни одного поддельного. И, главное, все прибывшие люди положительные и никак не могут быть замешаны в этом деле. Если не считать... Его жену...

– А что, если Елена и прикончила Фреда? – предположил профессор Рассольников.

– У нее алиби, – парировал сержант.

– Тогда Кормана прикончили участники конгресса «АнтиФоменко».

– Исключено. Просто потому что приглашенные на конгресс стали прибывать на другой день после смерти твоего дружка.

– Тогда фоменковцы.

– Они уже убили. А что, твой Корман был противником Фоменко?

– Мы на эту тему не говорили, – дипломатично ускользнул от опасного разговора Платон, ибо не знал, к какой группе принадлежал Дерпфельд.

Глава филиала распорядился доставить профессора Рассольникова и сержанта Дерпфельда вместе с багажом на глайдере фирмы в объятия местной таможни.

Внизу плескался Океан – он то принимал совершенно невозможный фиолетовый оттенок, то отливал веселой синью, то зеленел до травянистой изумрудности, кипя белым прибором вокруг островов. За ним можно было наблюдать часами.

Все многочисленные архипелаги Эгеиды делятся на два вида: дикие острова и острова Блаженства. Названия говорили сами за себя.

– Острова, должно быть, кишат туристами, – предположил Платон.

Толстые отцы и матери семейств, галдящая ребятня, разноцветные панамы, катера, парусные лодки, летающие шезлонги, глайдеры службы спасения, многоярусные отели, рестораны и...

Слева проплыли несколько островов – на серых скалах шапки густой зелени. Белый вихрь – это птицы кружили над идущим близко к поверхности косяком рыбы. И ни одного катера, ни одного паруса.

– Остров Сомнения, – сообщил пилот. – Через минуту спускаемся. Сейчас спокойный сезон, почти все население Эгеиды в Океане. На островах остались лишь стражи и администраторы суши.

Острова Блаженства встречали Океан выставленными далеко в море белыми зубьями волнорезов. Ни один самый мощный тайфун не мог угрожать блаженству охраняемых, самая высокая волна не могла достигнуть толпящихся на скалистых уступах разноцветных домиков. Изумрудная вода на мелководье такая яркая, что глаза слепило. пышная зелень венчала острые холмы мохнатой шапкой. Но вся она была какого-то одинакового ядовитого оттенка, будто разлили огромную банку краски по серым и желтым скалам.

– Кстати, знаешь, как с латыни переводится на космолингв «Гибрид»? – спросил Платон.

– Нет. В полицейской академии латынь не проходят.

– Ублюдок.

– Что?!.. А, гибрид – значит ублюдок? Очень хорошо. Теперь я буду это знать.

Знал Дерпфельд, как переводится «гибрид». Лишь изобразил удивление. Очень некстати вспомнилось выпотрошенное тело Кормана.

«Да, друг Тони, и как только ты умудрился влезть в эту мерзкую историю?» – обратился профессор сам к себе сочувственно.

А что если сообщение про десять миллиардов Дерпфельд изобразил на раковине сам? И нет никаких миллиардов... А что тогда есть?

Уже на таможне Платон и сержант повстречались с аборигенами. С глайдерской площадки гости напрямик прошли в здание таможни. Старинные разноцветные стекла витражей давно осыпались из массивных окон, и теперь бесцветные, давно не мытые стекла пропускали серый скучный свет в просторный холл. Тучный пожилой администратор и не менее тучные молодые стражи выстроились в ряд, ожидая. Администратор сидел в кресле на антигравитационной подушке, одна рука его намертво срослась с каким-то хитроумным грифелем, а вторая, обтянутая порывчатой пластиковой перчаткой, бессильно лежала на подлокотнике кресла. Лицо администратора, покрытое красными и черными пятнами ожогов, здорово смахивало на человеческое. И волосы, черные и густые, тоже напоминали человеческие. В то время как тело (так и хотелось сказать туша) имело вид туго набитой колбасы, на конце которой вместо хвостика раскинулся кожистый раздвоенный плавник.

– Раскопки? И кто же вам разрешил? – спросил таможенник с каким-то наигранным равнодушием. Рука – та, что без грифеля – приподнялась, попыталась сделать какой-то жест, но ничего не изобразила, и шлепнулась с неживым звуком на подлокотник.

Платон почему-то подумал о руке администратора, как о чем-то самостоятельном.

– ЮНЕСКО и МГАО, – отвечал сержант Дерпфельд. – У вашей планеты есть договоренность с Лигой Миров. Раз в год по взаимному согласию вы предоставляете научной экспедиции возможность работать на Эгейском море в течение двух месяцев. В прошлом году здесь работал Альфред Корман.

Имя не произвело впечатления.

– Это по части архонта Крто. А я могу дать вам визу на посещение Северного архипелага.

– И где нам найти этого вашего архонта?

Администратор пару минут переговаривался со своими подчиненными на местном языке – где было много согласных, но, в принципе, язык был довольно интересный. И Платон подумал

мал, что у эгейцев должно быть много поэтов, ибо порой рифмы проскальзывали в словах сами собою.

– Архонт Крто ждет вас в своей приемной. Страж Стато как раз направляется туда и вас проводит. – И администратор вновь поднял руку и в этот раз без колебаний изобразил в воздухе вертикальную черту.

Страж Стато был сама любезность и тут же кинулся показывать путь.

– Я – заместитель Крто и... как говорят люди – его правая рука, – эгеец издал какой-то нутряной звук. – А у меня правая рука – «фараон». Вот! – Стато грозно потряс рукой-бластером. – Идемте, тут совсем недалеко.

Он выкатился в кресле на колесиках из зала таможни. Люди последовали за ним. Сразу за воротами начинались густые заросли, и в них – одна-единственная дорога, идущая в гору.

Антигравитационная подвеска на кресле стража была слабовата, и потому там, где поверхность была ровной, он не летел, а примитивно катился на четырех колесиках, пользуясь автономным приводом. Дорога была весьма ухабиста и строилась давно. Между брусчаткой буйно рвалась к солнцу сочная зелень. Кое-где заросли отступали, и тогда наружу выглядывали розовые или желтые стены старинных домиков. Но чаще можно было разглядеть только черепицу крыши или угловую башенку. Растительность лезла из всех щелей, умудряясь закрепиться на каменных оградах и стенах домов, оккупировала подоконники и даже крыши. Любая тонкая полоска грунта тут же становилась зеленым ковром. Постепенно заросли отступили, вместо плотной стены остались отдельные островки. Жилища, как заметил Платон, были все очень давними и обветшалыми; если их и ремонтировали, то наспех. Двери делались широкие, непременно двустворчатые, а окна, напротив, маленькими. Зато при каждом доме имелся открытый бассейн, обложенный камнем, чаще всего неглубокий, но непременно с каким-нибудь игривым фонтанчиком. Дорога, по которой они шли, была совершенно пустынной.

Лицо Стато сплошь покрывали красные ожоги, ярко-рыжие волосы стянуты на затылке в хвост, правая рука намертво соединялась с бластером «фараон». Левая кисть покрыта черной перчаткой, и на черном – желтые и красные заплатки. Добавьте ко всему этому бронежилет, из-под которого высывались рукава драного свитера, нижнюю часть туловища, втиснутую в серебристый мешок – и облик Стато будет полным. Ах, нет, мы забыли упомянуть глаза – черные, выпуклые, очень выразительные с красноватыми белками.

– Может, завернем, и осмотрим дачные постройки наследного принца Ртхама? – предложил Стато. – Всего двадцать кредитов с носа за экскурсию.

– А принц не рассердится?

– Принц, как и вся императорская семья, сейчас в Столице. А дворцы здесь близко...

Стато махнул желтой левой рукой в сторону видневшихся над зелеными купами красных крыш. И тут перчатка слетела с руки, и перед изумленными взглядами людей предстали лентообразные щупальца, которые шли от самого плеча. До локтя они были стянуты эластичными кольцами, а уж потом распадалась на семь ленточек серо-коричневого цвета.

– Простите, – сказал Стато, подобрал перчатку, но надевать не стал. – Срок годности перчатки давно вышел, но приходится носить – ничего другого больше нет. А за службу платят такие гроши... – И он очень выразительно посмотрел на археологов.

Атлантида извлек из кармана пластиковый жетончик на десять кредитов и протянул эгейцу. Тот подпрыгнул от восторга – вместе с креслом.

– Вторая «рука» такая же? – любопытствовал Вил Дерпфельд.

– Да... Но ее сбросить гораздо труднее. А вот маску можно снять. Когда мы на суше, нам приходится закрывать кожу от лучей светила. Иначе она вся покроется язвами.

– А что... лица у вас не людские? – поинтересовался профессор Рассольников и сам себя обозвал идиотом: почему он не посмотрел материалы по Эгеиде более внимательно!

– Человекоподобие – мода нынешнего императора. Он сказал: «Мы будем, как люди». И мы надели маски людей... И купили парики. В обязательном порядке, по двадцать кредитов с каждой головы. Говорят, у эгейцев прежде росли волосы на теле. И весьма буйно. А теперь мы облысели, нигде ни волоска – ни на голове, ни на груди, ни на прочих местах.

– И на тебе маска? – спросил сержант.

– Ну да, маска, – в горле Стато забулькало, будто он собирался блевать. Но блевать он не стал, а сдернул маску вместе с париком. Явилось лицо с темно-коричневой кожей, гладкое, влажное, заостренное, с вислыми складками вокруг рта. Нос Стато конвульсивно задержался, будто эгеец собирался чихнуть. Но не чихнул. И вдруг побледнел – опять же только нос и немного кожа вокруг губ, а губы посерели. – Что это у вас? – спросил Стато, и одно из щупальцев обвилось вокруг запястья сержанта.

– Сервисный браслет. Ты что, никогда не видел? Все люди носят сервисные браслеты. Правда, тут у вас со связью и обслуживанием дерьмово, так что браслет на девять десятых бездействует.

– У людей не такие браслеты... Я видел... – Стато схватил второй лентой-щупальцем за руку Платона. – Вот у него другой... А моя сервисюга похожа на камень. Она здесь. – Стато хлопнул себя рукой с бластером по груди. Впечатляющий жест.

– Ну да, мой – военного образца, – согласился коп. – Что с того....

– Ты военный?

– Офицер запаса.

Стато задумался. Глубоко. Но о чем – неясно. Потом напялил свою драную маску, засунул щупальца в перчатку и спросил:

– Ну что, идем в гости к принцу?

– Вот что, приятель, давай-ка лучше навестим нашего любезного Крто, а уж потом оправимся на экскурсию, – предложил профессор Рассольников.

– Любезного? – переспросил страж, и в горле его вновь раздалось бульканье. Видимо, эти рвотные спазмы обозначали гомерический хохот.

Стато покатился по дороге, весело тархтел дешевый моторчик, а Дерпфельд и археолог шагали следом. Страж болтал без умолку на довольно приличном космолингве. Впрочем, разговор его был довольно однообразным – он называл все подряд, что попадалось им на пути: счетный дом, склады, заповедник, музей... Казалось, все административные здания и жилые постройки хаотически перемешаны. Однако вскоре Платону удалось установить закономерность: дома попрочнее и после ремонта принадлежали администрации. Жилые постройки больше походили на развалины, проросшие буйной зеленью. И никаких туристов. Ни единого. А воздух пропитан запахом морской соли и водорослей. Скольким обитателям пустынных миров, где нет ни кислорода, ни воды, мечталось о подобном рае. Но Атлантида не стал спрашивать, почему нет туристов. Интуиция подсказывала: с этим вопросом стоит повременить.

Дорожка уперлась в массивное приземистое здание с узкими окнами. Над входом висела металлическая доска с надписью на эгейском и на космолингве: «Управление Северным архипелагом». То есть эгейского Платон не знал, но предположил, что надписи дублируют друг друга. Ах, после гибели нашей цивилизации повсюду в Галактике останутся миллионы подобных Розеттских камней на радость грядущим Шампольонам.

– Как я посмотрю, у вас на планете много металла, – заметил Платон и кивнул на массивную табличку.

– Даже слишком много, в этом наша беда, – буркнул Стато и нахмурился.

Двери автоматически отворились. Никто не встретил посетителей в холле. Да и холла не было как такового. Они вошли сразу в кабину лифта-антиграва, который умчал их на третий этаж. Стато остался в кабине, а перед посетителями раскрылись металлические сверкающие двери, археолог и сержант шагнули напрямик в кабинет Крто. Здесь стены сплошь украшали

великолепные живописные панно. Вернее, профессор Рассольников поначалу принял панно за живописные. Потом, взглядевшись, понял, – мозаика. Но вместо камешков или смальты использовались разноцветные раковины самых невероятных оттенков. Великолепные пейзажи. Перламутровая полоса горизонта и фиолетовые волны... Море казалось настоящим, бурлило на рифах, и хлопья пены срывались с гребня и летели... Но никак не могли долететь до огромного стола архонта.

Стол был совершенно пуст, если не считать синего шара посередине. Когда гости вошли, шар слегка повернулся, и стал виден черный мертвый зрачок. Платон изумился. Компьютер с процессором на углеродных нанотрубках. Неужели это старье еще где-то эксплуатируют? Кто бы мог подумать!

Архонт Крто восседал за этим столом на темном, обитом кожей кресле-антиграве. Так и хотелось сказать: человек... Ибо маска Крто великолепно имитировала человеческое лицо – оливковая гладкая кожей, отливающая синевой на щеках, длинные иссиня-черные волосы парика доходили наместнику до плеч. Черные, выпуклые, как у всех эгейцев глаза, смотрели на гостей не особенно дружелюбно. Могучие руки с длинными гибкими пальцами Крто держал скрещенными на груди. Перчатки великолепно имитировали человеческую плоть: казалось, под кожей играют мускулы. Имитация. Век имитации. Одна раса имитирует другую. Люди господствуют в Галактике. И значит, другие миры плодят псевдолюдей.

Наряд архонта, правда, мало напоминал человеческий: гибкий нагрудник был покрыт тонкими пластинами панциря эгейской черепахи – солнечный янтарный оттенок с зелеными прожилками. Ворот и прорезы для «рук» были отделаны густой темно-коричневой бахромой, а хвост упакован в чехол из черной тончайшей кожи какой-то морской твари.

– Пребывание людей на нашей планете строго регламентировано, – сообщил архонт, а, услышав про раскопки, нахмурился. – И что надо МГАО на нашей планете? Прошлое народа – дело каждого народа. Эгейцев чужое прошлое не интересует, – заявил он не слишком любезно.

– Вы отказываетесь выполнять договор?

– Я могу препятствовать... – в тоне Крто был нескрываемый вызов. – Или содействовать. На ваше усмотрение.

«По-моему, это вымогательство», – заметил про себя Платон и не огорчился. В принципе, он предпочитал иметь дело с продажными, а не с честными чиновниками. Честные всегда перепортят много крови, и, в конце концов, угробят все дело. Вымогатель обычно не мешает работе, хотя и пробивает брешь в кредитной карте. Да, вымогатель куда лучше. Если, конечно, не берет слишком много.

– Без вашей помощи мы ничего не сможем сделать на Эгеиде! – голос Дерпфельда сделался сахарным до приторности. – Ваше могущество на Северном архипелаге безгранично.

Крто удовлетворенно кивнул: как раз в этом он не сомневался.

– Надеюсь, мы достигнем понимания...

– Вас интересует старый шельф или новый? – Крто, видимо, прикидывал, сколько можно содрать с посетителей.

– И тот, и другой.

– Раскопки на старом шельфе запрещены. – Лицо Крто было неподвижно, как и положено маске, лишь губы шевелились. Зато глаза были выразительны: надменность сменялась издевкой, насмешка – пренебрежением. Выражение глаз обычно у всех гуманоидов и псевдогуманоидов одинаковое. Хотя прочая мимика может быть совершенно различной.

– Сколько вы хотите? – спросил Платон, надеясь, что сумма окажется не слишком большой. Черному археологу не привыкать давать взятки чиновнику.

– Десять тысяч, – в глазах эгейца мелькнула некая безуминка. Нечто, похожее на восторг. Будто все блага, которые может предоставить наш щедрый мир, разом возникли в его не в меру разыгравшемся воображении.

– Десять тысяч? У нас же есть разрешение Лиги Миров! – возмутился Платон. – И согласно заключенному соглашению...

– Вам наверняка захочется нарушить какой-нибудь из параграфов, – предположил Крто. – И мне придется вмешаться. А это... неприятно.

– Платите, – шепнул Дерпфельд археологу, – полиция Райского уголка возместит все расходы.

В этом профессор Рассольников как раз сомневался.

– Там в углу банковский симпьютер. Можете немедленно произвести расчет, – невозмутимо сообщил Крто, давая понять, что все возражения – пустая трата сил.

Платон вспомнил надпись на раковине. «Десять миллиардов»... Чтобы узнать тайну десяти миллиардов, можно заплатить десять тысяч.

– Куда перевести деньги? – спросил Атлантида, уступив веским доводам чиновника.

– На мой счет в банке Лионский межпланетный кредит.

С такой восхитительной наглостью Платону еще встречаться не приходилось. Он подошел к симпьютеру. Наверняка это тот единственный, о котором говорил Бреген.

– Как относится ваше начальство к коррупции? – не удержался археолог от ехидного вопроса.

– Поощряет. Это главный источник дохода на Эгеиде. – Кажется, Крто был не лишен чувства юмора. – Теперь мы можем заключить стандартное соглашение. – Перед Платоном на стол лег лист бумаги, выделанный из морских водорослей. Кажется, это была первая планета, где чиновники использовали бумагу.

Платон прочел:

«1. Археолог должен подчиняться требованиям закона Эгеиды о памятниках древности от седьмого дня начала 567 года Морской Эры и всем возможным в будущем дополнениям к этому закону.

2. Археолог несет все расходы по содержанию чиновника, который будет наблюдать за раскопками, представляя интересы Эгеиды.

3. Археолог несет все расходы по ведению раскопок.

4. Обнаруженные архитектурные памятники археолог не имеет права разрушать частично или полностью. Легко транспортируемые вещи следует передать непосредственно наблюдающему чиновнику для хранения.

5. Все находки согласно составленному реестру будут разделены пополам: одна половина принадлежит археологу, вторая – правительству Эгеиды.

6. Укрытие находок карается штрафом в десятикратном размере их стоимости.

7. По соглашению сторон часть находок может быть выкуплена археологом у правительства Эгеиды.

8. При наличии лицензии и справки о справедливом разделе найденные артефакты облагаются таможенной пошлиной из расчета 0,5 процента их оценочной стоимости (оценка производится комиссией Северного архипелага)».

Отвратительная бумага. Но профессор вынужден был поставить под ней свою личную голограмму.

– Какой именно район вас интересует? – Крто повернулся к объемному изображению Северного архипелага на стене за его спиной. – Остров Вдохновения? Или остров Волка? На острове Волка можно копать даже на суше, не только на шельфе.

– Я бы хотел начать с Дальнего. Как с самого дальнего. – Атлантида поморщился. Неудачный получился каламбур.

Но Платон был готов поклясться, что Крто побледнел. Вернее, побледнел нос и кожа вокруг губ. Скорее всего, кровь так отлила от его собственного лица, что стало казаться, будто побледнела маска.

– Нет, – сказал архонт резко. – Дальний для раскопок закрыт. Строжайше.

– Но... – начал было Дерпфельд, быстро сообразивший, что его напарник-интеллектуал выбрал Дальний не зря.

– Закрытая зона, – Крто провел в воздухе горизонтальную черту. Очень энергичное «нет».

– А что может предложить остров Волка? Кроме пустующих развалин – ничего, – возразил Платон. Что на самом деле там можно найти, профессор не знал и ляпнул наудачу.

– На новом шельфе находятся развалины большого города. В том числе все культурные и храмовые здания, – сообщил Крто. – Если вас интересует именно культура Эгеиды, вы найдете там много интересного. Можете копать два месяца, как обозначено в договоре. Но только под наблюдением стража. Я вам дам охрану. Стато! – крикнул архонт. Двери лифта открылись, и охранник вкатился в комнату. – Эти – двое – твои. И смотри, чтобы не улизнули и не натворили бед. И помни, что Дальний – закрытая зона для иностранцев.

– Стража их никогда не пустит на Дальний.

– И ты не пускай. – Однако Крто тут же переменил строгий тон на самый любезный: полученные десять тысяч обязывали: – Если вам понадобится мое содействие, заходите. И... – он сделал паузу и внимательно посмотрел на посетителей. – Мой вам совет: на Эгеиде имейте всегда с собой пропуск. Даже ведя подводные раскопки, все равно имейте при себе пропуск. Даже в клозете не расставайтесь с пропуском.

Профессор подумал сначала, что Крто не слишком удачно пошутил. Потом понял, что ничего шуточного в его словах нет. Архонт давал свой совет совершенно серьезно. И считал, что сообщает жизненно важную информацию.

Одно можно было сказать с уверенностью: этот Крто не производил впечатления кроткого существа.

– Что вас интересует? – спросил Стато, когда они покинули резиденцию архонта, и по очереди нацелил свой «фараон» в грудь сержанту и археологу. При этом маска его ничего не выражала – как и положено маске. А глаза... В глазах была печаль.

– Остров Волка, – отвечал Платон, внимательно наблюдая за движениями руки охранника. А что, если пальнет...

– Волк так Волк... – буркнул Стато. – И как насчет с экскурсии по дворцам принца? Торопитесь, а то принц может скоро вернуться. Всего двадцать кредитов с носа.

Археолог переглянулся с полицейским. Вряд ли в царских дворцах они найдут что-то ценное для следствия... Но почему бы не попробовать?

– А там есть на что посмотреть? – с сомнением спросил Атлантида.

– Найдете... Но сорок кредитов вперед.

Как только эгеец получил пластиковую карточку на сорок кредитов, он тут же радостно стукнул рукой-бластером по рукояти кресла и скомандовал:

– Теперь на нашу базу, и я на глайдере вмиг домчу вас до острова Вдохновения.

– Ты же сказал, что дворцы там... Вот и крыша виднеется.

– Это не дворцы. Это склады продовольствия. А все дворцы на Вдохновении. И Крто живет на Вдохновении. И я – тоже. А остров Сомнения – это лишь административный центр.

Как и на острове Сомнения, на Вдохновении почти не было обитателей. Если не считать двух стражей, что сидели на набережной в креслах. Один дремал. Другой бросал свободной левой рукой камешки в море. Море едва плескалось. Запах водорослей был лекарственно едок. Когда глайдер сел на вымощенной серым плиточным камнем площади, один из охранников остался на месте, а второй лениво покати по неровной брусчатке к незванным гостям.

– Это археологи, хотят осмотреть дворцы, – сообщил Стато.
– Двадцать кредитов с носа, – заявил страж. Его космолингв был чудовищно невнятен. Возможно, маска мешала – она порвалась и была залита сгустками клея.
– Но мы же заплатили по двадцать кредитов, – напомнил профессор Рассольников.
– А мне по трепангу, – буркнул охранник. – У меня антигравитационная подвеска сдохла. Что ж мне, по булыжнику теперь весь сезон кататься, наращивая мозоли на заднице.

– Это Морив, с ним лучше не ссориться, – доверительно сообщил Стато. – Особенно, если вы будете работать на шельфе Вдохновения. Он приглядывает за тем, что творится на шельфе вокруг острова. Я тут не властен.
– А тому тоже надо заплатить по двадцатке? – спросил Вил Дерпфельд, указывая на стражника, что остался на набережной и продолжал меланхолично бросать камни в набегающие волны.
– Нет. Криг – стоик. Он прочел сочинения землянского философа Эпиктета и заявил, что ему в жизни ничего не надо. Ну... Лишь самое необходимое, чтобы продлить существование. Он смотрит на волны и подавляет в себе все эмоции, все желания. Так идем во дворец?
– Я бы предпочел сначала перекусить, – заявил сержант.
– О, это, пожалуйста, у нас отлично кормят! – Сразу оживился Морив. – И дешево.

Странно все-таки, что такая планета не развивает туристический бизнес. Вода в море как парное молоко, песок на пляже теплый и шелковистый на ощупь. Платон не отказал себе в удовольствии окунуться перед обедом. Он вошел в воду и проплыл кролем сотню метров. Лег на спину. Вокруг него колебались прозрачные колокольчики медуз. За колокольцами тянулись в воде пучки зеленоватых и красноватых щупальцев. Здешние мелкие медузы не ядовиты – другое дело крупные сверкающие шары – вот тех надо опасаться. Эгейцы варят из мелких медуз суп с приправой из морского лука и мясом морских ежей, – это им успел рассказать Стато, пока они летели на остров Вдохновения. Мысль о супе, пусть даже и таком экзотическом, заставила повернуть назад, к берегу.

Платон заметил, что кто-то из стражей наблюдает за ним издали, но едва археолог направился к набережной, как наблюдатель мгновенно умчался на кресле-антиграве. У этого эгейца, в отличие от Стато, кресло было в полном порядке.

«Кто-то из шпионов Крто», – решил археолог.

На всей набережной, довольно длинной, облицованной массивными серо-красными плитами, нашлась одна-единственная крошечная таверна, которую обслуживал старик-эгеец, ухватками похожий на охранника. Только вместо бластера десница его сжилась с грилем. И едва гости вошли, как он швырнул перед ними прямо на стол огромную, золотистую, только что обжаренную рыбину. Капли масла забрызгали белоснежный костюм профессора Рассольникова.

– Поосторожнее! – крикнул Атлантида.
– Рыба вкусная, – отозвался хозяин и, развернув кресло, собирался скрыться на кухне.
– Я не привык к подобному обращению. – Платон упер тросточку в стену и преградил хозяину путь.
– Рыба вкусная, – повторил хозяин. – Ты же не пробовал! Попробуй... –И издал булькающий звук – рассмеялся. Надо полагать, добродушно.

Тыкать в хозяина тросточкой было после этого нелепо. Профессор Рассольников почувствовал себя неловко и освободил проход.

Посреди таверны стоял один-единственный длинный высокий стол. И вокруг ни сидений, ни табуретов. Тарелок не было. Все, что предложил им хозяин – это неровные прямоугольники толстой серой бумаги из водорослей. На эти листы раскладывали куски рыбы. Пробовать рыбу придется стоя. Неудобство касалось лишь людей: эгейцы уже расположились вокруг стола на своих креслах, и Стато принялся разделять рыбину своими щупальцами. Перчатку он снял и засунул за пояс. Морив и Криг наблюдали за его действиями. Морив – нетерпеливо. Криг – со стоической покорностью, глядя на блюдо печальными глазами, лишь изредка вытирая драной перчаткой струйки слюны.

– Рыба в самом деле отличная, клянусь прибором! – подтвердил Стато, отправляя здоровущий кусок себе в рот. – Да вы пробуйте, не стесняйтесь.

– Закуски мало берете, – сообщил хозяин на местном наречии, а Стато тут же перевел.

Мало? Платон изумленно глянул на рыбину. Да им вдвоем с сержантом ее за три дня не съесть. Хозяин поставил на стол бутыль темного, пахнущего водорослями пива и укатил на кухню на своем тархтящем кресле.

Из задней комнатки выползли еще двое стражей. У одного кожа была ржаво-коричневой и шелушилась; у другого, напротив, совершенно белая.

– Рыба! Гостевой взнос! – крикнул Стато, и все пятеро тут же запустили свои щупальца в сочную рыбу плотью. В кружки-раковины полилось темное пиво. Платон согласился, что закуски в самом деле оказалось мало. Пришлось заказать еще одну рыбину. Стражи были нена сытны. Когда и сержант, и археолог уже не могли проглотить ни кусочка, пятеро охранников продолжали обглаживать скелеты и шарить голодными взглядами по стойке и столу.

– Уйдем, – шепнул Дерпфельд, – а то они сожрут и нас заодно.

Платон толкнул в бок Стато и указал на дверь.

– Еще, – неожиданно возвысил голос стоик Криг. – Мы не наелись.

– Разве я должен вас кормить? – удивился археолог.

– Конечно, как же иначе? Тем более, рыба теперь вкусная. – Криг рыгнул. – Ты – гость. По гостевому обычаю. По нашему обычаю. Мы любим гостей. Гостевой взнос – традиция. Нам угощение от гостей...

Стато что-то сказал на местном наречии. Платон, разумеется, почти ничего не понял. Несколько раз прозвучало имя Крто. И несколько раз Стато энергично провел в воздухе горизонтальную черту.

– Но как же гостевой обычай, – настаивал Криг. Говорил он беззлобно, нудным канючливым тоном. – Надо... И рыба сейчас не горькая. Это потому что Бреген ушел со стадом от нашего архипелага. Мы столько ждали, три года ели горькую рыбу, а теперь, когда, наконец, стало все хорошо...

– Все благодарят за гостевой взнос, – объявил Стато на космолингве. – И Морив благодарит. И Криг.

Криг вновь рыгнул.

– Все получилось отлично, – пообещал Стато. – А сейчас вас ждет дворец.

Остальные стражи, разом потеряв к людям всякий интерес, прикрыли веки, разинули рты и запели что-то заунывное, пронзительное. Голоса у всех были столь высокие, что хотелось заткнуть уши и бежать. Немедленно. Археолог ринулся из таверны. Сержант за ним. Стато выплыл не сразу: пел вместе с другими минут десять.

По мраморной лестнице они поднялись к дворцу.

Экскурсовод из Стато был никудышный. Он водил гостей по переходам дворца и время от времени пояснял: «Это дворец». Как будто посетители сами не видели, что это дворец. Великолепный и одновременно однообразный. Анфилады покоев, похожих друг на друга – почти в каждом бассейн с фонтаном, стены облицованы янтарными наборными панелями или перламутровыми раковинами, сложенными в узоры. Попадались и росписи, но довольно простые, хотя и не лишённые изыска: синие и белые волны и меж ними животные, похожие на дельфинов. Мозаичные полы изображали непременно море и диких чудищ. Пол одной из зал был стеклянным. Внизу плескалась вода удивительного аметистового оттенка. Казалось, хозяин хотел поразить обилием комнат, пристраивая один покой к другому, и никак не мог остановиться. У задней стены дворца возились пять или шесть эгейцев, складывая из камня новые стены. Эти были без масок – кожа их для защиты от солнца была натерта красной глиной. У одного из строителей на голове красовалась драная трикотажная шапка. Дворцы пустовали.

– А где все эгейцы? – спросил профессор Рассольников.

– Император и принцы в столице. А все остальные в море. Сезон рождений кончился, – объяснил Стато. – Но принцы появятся... Когда в Столице станет слишком жарко, они заглянут на Северный непременно. А мы, стражи, охраняем острова Блаженства, чтобы не расхищали имущество во время морского сезона. Два года назад из дворца принца пытались украсть кресла-антигравы. Так я пресек! – гордо заявил Стато.

Лишь в одном из мелких каналов Платон заметил трех отдыхающих эгейцев, прикорнувших в тени буйных прибрежных зарослей. Они лежали, наполовину погрузившись в воду, и о чем-то переговаривались. Лица у всех троих были вытянутые, с острыми носами, кожа ржаво-коричневая, черепа – абсолютно лысые. Ленточки щупальцев колыхались в воде, как змеи. Никакой одежды на эгейцах не было. Туловище продолговатое, с длинной толстой шеей, узкими покатыми плечами, с заметным утолщением в области тазовых костей и коротким хвостом, что заканчивался раздвоенным плавником. Вид таков, будто человек забрался в толстый коричневый костюм вместе с руками, пришел к плечам пучки лент, обрил голову. Нет, эгейцы будут покрупнее людей. В каждой туше, что ворочалась с боку на бок во влажном песке, было не менее ста двадцати килограммов.

– Это возвращенцы, – небрежно бросил Стато, не останавливаясь возле троицы. – Они собирают рыбок, что ползают по деревьям, и едят эту гадость. Их девиз: возврат на сушу. Архонт выделил им для жизни старый стадион. А Столица все время требует, чтобы их выселили...

Возвращенцы, завидев стража и посетителей, достали раковины и принялись изо всех сил в них дудеть. Звук был неприятный, визгливый.

– И что, кроме этих троих возвращенцев и строителей, никого нет? А как же управление архипелагом, и все прочее? – поинтересовался Атлантида.

– Все есть там. На острове Сомнения.

– А можно осмотреть храм? Говорят, где-то здесь на архипелаге сохранился великолепный храм Северного материка.

– Храм есть, – подтвердил Стато. – Он в самом деле замечательный. Сто кредитов с носа.

– Что?! – вспыхнул Дерпфельд. Но тут же остыл. И смирился.

Стато, получив жетоны, периодически включал привод-антиграв и весело подпрыгивал на дороге к храму.

Дорога шла в гору: храм стоял на холме. Пологие участки чередовались со ступенями.

Зачем вам ступени? – подивился профессор Рассольников. – Ведь вы не умеете ходить. А ползать или катиться по ступеням неудобно.

– Это традиция... Каждая минута жизни – ступень. Ступени нужны, чтобы об этих минутах помнить. Вот и храм. Старинное здание. Стоит уже тысячу лет. Без ремонта.

Здание действительно было грандиозное. Плоский купол, портик из восьми массивных гранитных колонн, циклопические стены. Не без трепета Платон ступил внутрь. Храм освещался сосудами с зеленоватой светящейся жидкостью. Ровные серые стены. Настолько ровные, что кажутся отполированными. Ни росписи, ни рельефов. Пол из желтоватых плотно пригнанных плит. Купол выкрашен синим. И на фоне синего – звезды... Алмазы? Платон поднес к глазам цифровой бинокль и едва не закричал от разочарования. Всего лишь какие-то морские светящиеся раковины.

– Но храм пуст... – заметил археолог, опуская бинокль.

– Конечно... – в горле Стато заклокотал смешок. – Именно. Почему-то все люди считаю, что в наших храмах полно сокровищ. Но боги невидимы. Они тут... – Стато махнул рукой, и перчатка слетела. – Вот Корман тоже допытывался, нет ли где алмазов. Кто-то рассказал ему, что в храме стоит алмазная статуя Нмо Невидимого и Всемогущего, бога неба. Он прилип ко мне, как минога, даже угрожал. «Где алмазная статуя, свинья?» – кричал Корман. Что такое «свинья»? Вы не знаете? Корман тоже не захотел объяснить.

– Почему он решил, что здесь должна быть алмазная статуя? – Атлантида с трудом подавил волнение.

– «Невидимый», «прозрачный» и «алмазный», – одно и то же на эгейском языке.

– И давно храм пустует? – спросил небрежно профессор Рассольников, решив не объяснять Стато, что за животное «свинья», тем более, то сам Платон никогда этой «свиньи» живьем не видел. Пробовал как-то свинину. Помнится, жирный кусок, обжаренный до аппетитной корочки, очень вкусный. И безумно дорогой...

– Да храм всегда был пустой. Как построили, так и стоит. Мы Нмо именуем «Невидимый и Всемогущий», а людям чудится – «алмазный». Уж не первый такой путаник алмазы ищет, клянусь прибором.

Ну что ж, еще одна ложная легенда, как Хрустальный лабиринт. Пустоты времени, заполненные человеческой фантазией.

Они вышли наружу. Атлантида как бы между прочим дважды обошел храм. Нет ли под храмом сокровищницы, куда ведет замаскированный вход? Ничего подозрительного Платон не заметил. Присел на ступени храма. Со скалы открывался прекрасный вид на лежащую внизу долину. За нею плескался безбрежный Океан.

– Я хочу осмотреть тот дом под красной крышей, – археолог указал на виллу возле самого берега. Почему он остановил свой выбор именно на этой крыше, профессор Рассольников сказать не мог.

– Этот дом не для осмотра. Это резиденция архонта Крто.

– Так заглянем архонту в гости.

Стато обеспокоился.

– Вас пригласили? Крто пригласил вас?

– А как же! Крто был так любезен. Сказал: «В любое время дня и ночи».

– Крто так и сказал?... – Видимо, лицо под драной маской стража так исказилось, что сама маска задержалась и приобрела совершенно идиотское выражение.

– Я же сказал – «любезный Крто», – со смехом отвечал Атлантида. – Идем, идем! Он будет рад.

Дверь им отворила женщина. Ее маска, так же отлично сделанная, как и у Крто, создавала полную иллюзию смуглого личика без пятен ожогов. Правда, личико не слишком красивое по нынешним человеческим стандартам Галактики. Вздернутый носик и пухлый рот придавали женской маске наивно-детское выражение. Черные густые локоны парика были тщательно расчесаны и покрыты лаком. На руках перчатки выше локтей – темная бахрома какого-то изыс-

канного наряда скрывала линию перехода от перчаток к подлинной плоти. Однако дама была при оружии – маломощный бластер «арминий» она держала заткнутым за пояс из металлических пластинок и колечек. В отличие от средств передвижения стражей ее кресло-антиграв было в полном порядке. При виде гостей она поднялась чуть выше, чтобы лицо ее было вровень с лицами археолога и сержанта.

– Привет! – сказала она звонким голосом. – Я – Имма. Женщина Крто. И, кстати, тоже страж, как Стато. Что-то случилось? Вам нужна помощь?

Стато почему-то занервничал, потер пятно на лбу. И... оторвал кусок кожи.

– Почему ты не купил новую маску? – обеспокоилась Имма. – Ты сожжешь себе лицо, Стато!

– Подождет, – буркнул тот. – С долгами бы рассчитаться...

– Ты увлекаешься! – она нарисовала пальчиком перчатки в воздухе крест. Знак осуждения – догадался Платон.

– Этих господ пригласил Крто... Но я... не могу их оставить ни на минуту.

Имма внимательно посмотрела на гостей. Что она испытывала при этом, какие эмоции – не понять. Маска все скрывала. Но что-то испытывала. Потому что застыла в своем кресле на пороге неподвижно, и лишь переводила взгляд с сержанта на археолога и вновь на сержанта.

– Может, ты угостишь нас пивом? Да и перекусить неплохо, а то мы оголодали, – заявил Стато, хотя они ели пару часов назад.

– Ах да, конечно. А у вас есть с собой гостевой взнос?

– Гостевой взнос? – Атлантида сунул руку в карман и извлек несколько пластиковых жетонов. Меж ними застрял пропуск. Имма тут же его выхватила.

– Это пропуск, мой пропуск... – Профессор Рассольников вспомнил строгие наставления архонта.

Имма несколько секунд внимательно рассматривала голограмму.

– Я вижу, – сказала она, наконец, по-прежнему не отрывая глаз от пропуска. – Вижу и... проверяю. Я же – страж.

– Все в порядке?

– Виза таможни присутствует. Голограмма Службы Безопасности тоже.

Она небрежно махнула рукой сверху вниз, бросила Платону пропуск, а у него из пальцев все так же ловко выхватила пару пластиковых жетонов. И тогда, наконец,пустила гостей.

Весь центр внутреннего помещения занимал огромный бассейн. Слева располагались какие-то комнатки, отгороженные кожаными занавесками. Справа вдоль бассейна помещался длинный стол. За стол хозяева и гости усаживались прямо в своих креслах-антигравах, так что сидений вокруг стола опять же не нашлось. Людям пришлось стоя пить пиво и заедать какими-то копчеными коричневыми кусочками. Если судить по запаху – морепродукты. Но очень даже съедобные.

– Мы будем вести раскопки на шельфе острова Волка, – сообщил Дерпфельд. – Говорят, там много развалин.

– Остров Волка? Мерзкое место! – Имма передернула плечами совершенно по-человечески. – Мерзкое... Из эгейцев постоянно там никто не живет.

Ее космолингв был великолепен, даже лучше, чем у Крто. Хотя акцент все же чувствовался.

– Стато, будь добр, принеси пиво, – попросила она и похлопала эгейца по затылку.

Стато тут же помчался на кухню. Кухня была за одной из кожаных занавесок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.